

Энни
Пру

XX
век
The BEST

Корабельные новости

[роман]

XX век. The Best

Энни Пру

Корабельные новости

«Издательство АСТ»

1993

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пру Э.

Корабельные новости / Э. Пру — «Издательство АСТ»,
1993 — (XX век. The Best)

ISBN 978-5-17-109255-9

После гибели жены журналист Куойл решает бросить Нью-Йорк и вместе с дочерьми и теткой Агнис отправляется на землю своих предков – отдаленный уголок острова Ньюфаундленд. Здесь он погружается в мир суровой природы, полную опасностей и трудностей жизнь местных рыбаков, жизнь, совсем не похожую на ту, что была у него в Нью-Йорке. И если поначалу Куойл ощущает себя лишь наблюдателем происходящих событий, то со временем он становится их участником, а остров – частью его самого. И именно здесь Куойлу суждено найти себя, друзей и настоящее счастье... Роман лег в основу одноименного фильма с Кевином Спейси, Джулианной Мур, Кейт Бланшетт и Джуди Денч в главных ролях.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109255-9

© Пру Э., 1993

© Издательство АСТ, 1993

Содержание

Выражение признательности	6
1. Куойл	7
2. Любовный узел	16
3. Висельный узел	20
4. Потерпевший кораблекрушение	27
5. Стопорный узел	32
6. Среди кораблей	42
7. Балаболка	48
8. Затяжной узел	58
9. Причальный узел	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Энни Пру

Корабельные новости

Джону, Джиллис и Моргану

В узле среднего размера с восемью перекрестами сверху и снизу образуется 256 всевозможных сплетений... Стоит сделать всего одну ошибку в последовательности накидываемых сверху и снизу петель – и вы либо получите совершенно другой узел, либо не получите вообще никакого узла.

Книга узлов Эшли¹

Серия «XX век / XXI век – The Best»

Annie Proulx THE SHIPPING NEWS

Перевод с английского И. Дорониной

Печатается с разрешения литературных агентств Darhansoff & Verill и Andrew Nurnberg.

© Annie Proulx, 1993

© Перевод. И. Доронина, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

---

¹ Книга узлов Эшли (англ. The Ashley Book of Knots, 1944) – фундаментальный труд по вывязыванию узлов различного назначения. (Здесь и далее примеч. перев.)

Выражение признательности

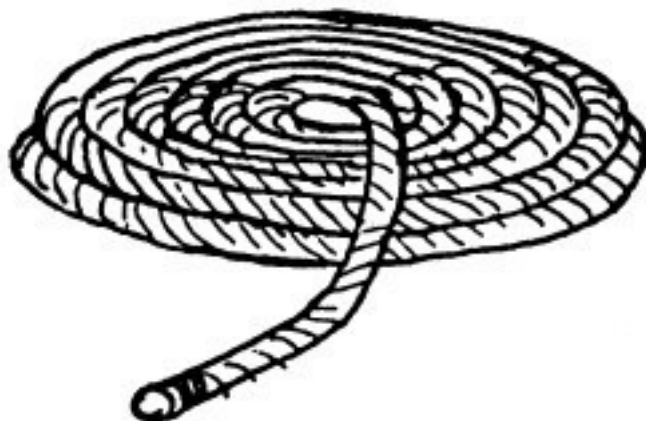
В работе над «Корабельными новостями» помощь приходила ко мне с самых разных сторон. Я благодарна Национальному благотворительному фонду искусств за финансовую поддержку и Юкросскому фонду в Вайоминге за то, что имела уединенное место для работы. На Ньюфаундленде советы, объяснения и информация, которые я получала от многих людей, помогли мне понять, как жили люди на Скале в старину и какие изменения произошли там в настоящее время. Свойственные ньюфаундлендцам остроумие и вкус к беседе превращали случайные встречи в истинное удовольствие. Особенно благодарна я за доброту и приятную компанию Белле Ходж из бухты Охотника и Гусиного залива, которая из-за меня пострадала от укуса собаки и познакомила меня с деликатесами ньюфаундлендской домашней кухни. Кэролин Лейверс открыла мне глаза на сложности и тяготы жизни ньюфаундлендских женщин, как это сделал и Билл Гоф в своем романе 1984 года «Дом Мод». Служащие Канадской береговой охраны и поисково-спасательной службы, коллеги из газеты «Норзерн пен» в Сент-Энтони, рыбаки и лесорубы, сотрудники местной Метеорологической службы Министерства окружающей среды Канады объясняли мне, как все работает. Точно настроенная антенна Джона Глузмана улавливала названия произведений ньюфаундлендской литературы, которые я иначе могла бы пропустить. Уолтер Панч из библиотеки Массачусетского садоводческого общества прояснил некоторые непонятные факты, касающиеся местной флоры. Спасибо также моим спутникам в путешествии по Атлантической Канаде: Тому Уоткину, который сражался с ветрами, медведями и москитами, и моему сыну Моргану Лангу, с которым мы вместе пережили апрельский шторм, встречи с айсбергами и оленями карибу. Я благодарна за советы и дружбу Аби Томас. Барбара Гроссман, редактор, о каком можно только мечтать, – чистое синее небо посреди густейшего тумана. И, наконец, без вдохновения, вселенного в меня замечательной «Книгой узлов Эшли» (1944) Клиффорда У. Эшли, которую мне посчастливилось найти на дворовой распродаже за четвертак, моя книга осталась бы лишь нитью замысла.

1. Куойл

Куойл: бухта каната.

Фламандская бухта – это однослойная плоская спираль. Выкладывается на палубе, чтобы в случае необходимости на нее можно было наступать.

Книга узлов Эшли

Вот описание нескольких лет из жизни Куойла, родившегося в Бруклине и выросшего среди мешанины унылых городишек в северной части штата.

Детство его прошло в тесноте, напоминающей тесноту пчелиного улья, и в вечных страданиях из-за бурления газов и спазмов в животе; учась в государственном университете, он маскировал свои терзания молчаливыми улыбками, прикрывая подбородок ладонью. Кое-как перевалив со второго на третий десяток, научился скрывать истинные чувства и ни на что не рассчитывать. Ел он жадно, любил свиные ножки и картошку с маслом.

Чем занимался? Был агентом по продаже автоматов, торгующих конфетами, кладовщиком в круглосуточном магазине, третьеразрядным журналистом. В тридцатилетнем возрасте, ничего не достигший, исполненный горечи, отвергнутый в любви, Куойл решил уехать на Ньюфаундленд, скалистый остров, породивший его предков, – место, где он никогда не бывал и не собирался побывать.

Там кругом вода. А Куойл воды боялся и не умел плавать. Сколько раз отец отдирает его от себя и бросал в пруды, ручьи, озера, в набегающие волны прибоя! Куойл отлично знал вкус морской соли и водорослей.

Начиная с краха этой ранней попытки сына научиться плавать хотя бы по-собачьи, отец наблюдал множество его других неудач, которые размножались со скоростью болезнетворных бактерий, – словом, сплошные провалы: неспособность научиться сидеть прямо, неумение быстро вставать по утрам, отсутствие внятной жизненной позиции, честолюбия и вообще каких бы то ни было способностей – в сущности, одни неудачи. Самого этого сына отец считал собственной неудачей.

На голову выше всех своих сверстников, Куойл двигался неуклюже, был слабохарактерным и знал это.

– Ну, ты и увалень здоровенный, – говорил отец. Сам он, надо сказать, тоже не был пигмеем. А брат Куойла Дик, любимец отца, когда Куойл входил в комнату, притворялся, будто его

сейчас вывернет наизнанку, шипел: «Жиртрест! Сопляк! Уродец! Кабан! Тупица! Вонючка! Пердун! Засранец!», и начинал колотить и пинать его, пока Куойл не сворачивался клубком на покрытом линолеумом полу, защищая голову руками и хныча. А виной всему был главный недостаток Куойла – его ненормальная внешность.

Тело – огромная рыхлая глыба. В шесть лет он весил шестьдесят фунтов, а в шестнадцать костяк его был погребен под горой плоти. Голова вытянутая, как дыня креншо, полное отсутствие шеи, рыжеватые волосы торчали дыбом, отклоняясь назад, как иголки у дикобраза. Черты лица стянуты в пучок наподобие пальцев, сложенных для воздушного поцелуя. Глаза – как бесцветная пластмасса. И чудовищный подбородок, напоминающий причудливый утес, выдающийся вперед.

Не иначе этим гигантским подбородком наградил его какой-то аномальный ген, встрепнувшийся в момент его зачатия, как вспыхивает порой одинокая искра на угасшем уже пепелище. Еще в детстве он придумал несколько приемов для отвлечения внимания посторонних: смущенная улыбка, потупленный взор, правая ладонь, взлетающая к лицу, чтобы прикрыть подбородок.

Его самое раннее осознание себя – ощущение отчужденности: там, на переднем плане, была его семья; здесь, на границе видимости, он сам. До четырнадцати лет он лелеял мысль, что попал в чужую семью, что где-то живут его настоящие родственники, везущие на своем горбу подкидыша и мечтающие когда-нибудь найти его, Куойла. Но как-то раз, роаясь в коробке с памятными вещичками, он обнаружил фотографию своего отца, вместе с братьями и сестрами стоявшего у корабельного леера. А немного поодаль – девушка, устремившая прищуренный взгляд на море, словно старалась разглядеть там порт назначения, находившийся в тысяче миль к югу. И Куойл узнал себя в их рыжих волосах, форме ног и рук. Вон тот хитроватый на вид человек-гора в севшем свитере, сложивший руки на причинном месте, – его отец. На оборотной стороне снимка было написано синим карандашом: «Отплываем домой, 1946».

В университете он записался на предметы, коих понять был не в состоянии, ходил ссутулившись, ни с кем не разговаривал, а на выходные ездил домой, чтобы получить там очередной разнос. В конце концов он завязал с учебой и стал искать работу – все так же прикрывая подбородок ладонью.

Все было неопределенно в жизни одинокого Куойла. Мысли бурлили у него в голове, как аморфная масса, которую в древности моряки, плававшие в арктических сумерках, называли «легкими моря»: вспучивающаяся в тумане ледяная шуга, в которой жидкое становилось твердым, а твердое – жидким, небо над которой казалось замерзшим, воздух растворялся в воде, а свет и тьма перемешивались.

Заняться журналистикой он решил, когда как-то раз лениво жевал *saucisson*² с хлебом. Хлеб был отменный: замешенный без дрожжей, пышно взошедший на собственной закваске и выпеченный в печи Партриджа на открытом воздухе. Во дворе Партриджа пахло женой кукурузной мукой, свежескошенной травой и только что выпеченным хлебом.

Saucisson, хлеб, вино, разговоры с Партриджем. Ради всего этого он упускал шанс получить работу, которая позволила бы ему припасть к изобильной груди бюрократии. Его отец, исключительно собственными стараниями поднявшийся до высшей точки своей карьеры –

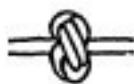
² Колбаса (фр.).

должности менеджера по продажам в сети супермаркетов, – вечно читал ему нотации, ставя в пример себя: «Когда я приехал сюда, мне пришлось таскать тяжеленные тачки с песком для каменщика». И так далее. Отец восхищался тайнами бизнеса: мужчинами, подписывающими бумаги, прикрывая их левой рукой, совещаниями за дверьми с матовыми стеклами, запертыми на замочки кейсами.

Но Партридж, у которого с подбородка капало масло, сказал:

– Да пошло оно все к такой-то матери! – Нарезал дольками багровый помидор и, сменив тему, перешел к описанию мест, где ему довелось побывать: Страбан, Южный Эмбой, Кларк Форк. В Кларк Форке играл в пул с мужчиной, у которого была искривлена носовая перегородка. Он носил перчатки из кожи кенгуру. Куойл, сидя в деревянном садовом кресле, слушал, прикрывая подбородок рукой. Его выходной костюм, надетый для собеседования, был испачкан маслом, к галстуку с ромбовидным узором прилипло помидорное семечко.

Куойл и Партридж познакомились в прачечной самообслуживания в Мокинбурге, Нью-Йорк. Ссутулившись над газетой, Куойл обводил карандашом объявления о вакансиях, пока его великанские рубашки вращались в барабане. Партридж заметил, что рынок труда нынче скуден. Да, согласился Куойл, скуден. Партридж высказался насчет засухи, Куойл кивнул. Партридж направил разговор в сторону закрытия предприятия по производству квашеной капусты. Куойл потянул рубашки из сушилки, они выпали на пол в сопровождении дождя горячих монет и шариковых ручек. На рубашках остались длинные чернильные разводы.

– Теперь придется выбросить, – сказал Куойл.

– Ничего подобного, – возразил Партридж. – Натри чернильные пятна горячей солью и тальком. А потом выстирай их еще раз, добавив колпачок отбеливателя.

Куойл сказал, что попробует. Голос у него дрожал. Партридж удивился, увидев, как бесцветные глаза здорового мужика увеличились, наполнившись слезами. Потому что Куойл никак не мог справиться с чувством одиночества, а мечтал стать компанейским человеком, уверенным, что его общество доставляет удовольствие другим.

Сушилки взревели.

– Эй, приятель, заходи как-нибудь вечерком, – сказал Партридж, наискосок царапая свой адрес и номер телефона на обороте измятого кассового чека. У него тоже было не так уж много друзей.

На следующий вечер Куойл явился к нему, сжимая в руках бумажные пакеты. Фасад дома Партриджа и безлюдная улица были залиты янтарным светом. Золотой час. В пакетах были пачка импортных шведских крекеров, бутылки с красным, розовым и белым вином, завернутые в фольгу треугольнички иностранных сыров. Куойла взволновала зажигательная легкая музыка, доносившаяся из дома Партриджа.

Некоторое время они дружили: Куойл, Партридж и Меркалия. Различия между ними таковы: Партридж черный, маленький, неугомонный путешественник по жизненным косо-

рам, любитель разговоров на всю ночь; Меркалия, вторая жена Партриджа, с кожей цвета коричневого птичьего пера на темной воде, отличалась умом и темпераментом; Куойл, крупный, белый, тащился по дороге жизни, не ведая куда.

Партридж обладал способностью заглядывать за пределы настоящего, делать моментальные снимки грядущих событий – как будто в голове у него мгновенно замыкались какие-то провода. Он родился в рубашке; в трехлетнем возрасте видел, как шаровая молния скатилась по пожарной лестнице; ночью накануне того дня, когда его свояка покусали шершни, ему приснились огурцы. Он был уверен в своей счастливой судьбе и умел выпускать изо рта идеальные колечки дыма. Свиристели во время своих сезонных перелетов всегда останавливались у него во дворе.

Сейчас, сидя у себя на заднем дворе и глядя на Куойла, похожего на собаку, наряженную в мужской костюм для комичной фотографии, Партридж о чем-то размышлял.

– Эд Панч, ответственный редактор газеты, где я работаю, ищет недорогого репортера. Лето закончилось, и его студентики-практиканты разбежались по своим норкам. Газетенка – отстой, но она даст тебе несколько месяцев передышки, чтобы осмотреться и поискать что-то получше. Черт возьми, а может, тебе понравится быть репортером.

Куойл кивнул, прикрывая подбородок. Если бы Партридж предложил ему прыгнуть с моста, он как минимум перегнулся бы через перила. Совет друга.

– Меркалия! Я оставил тебе горбушку, моя девочка. Это самое вкусное. Иди сюда.

Меркалия надела колпачок на ручку. Устала писать о вундеркиндах, которые грызут ногти, бродят вокруг стульев в гостиной, складывая в уме невероятные суммы, и, топая, выколачивают пыль из восточных ковров у себя под ногами.

У Эда Панча слова вылетали из середины сложенных губ. Разговаривая, он изучал Куойла: отметил дешевый твидовый пиджак размером с лошадиную попону, ногти, имевшие такой вид, будто их регулярно обтачивали на шлифовальном кругу, учуял покорность Куойла, догадался, что тот сделан из мягкого масла, которое легко намазывается на хлеб.

Сам же Куойл, блуждая взглядом по стенам, остановился на гравюре, покрытой пятнами плесени от сырости. Шероховатое лицо, глаза – как стеклянные шарики, бахрома волос, выбивающихся из-под воротника и каскадом ниспадающих на его жесткоakraхмаленный сгиб. Интересно, кто это в треснутой рамке? Дедушка Панча? Он стал думать о предках.

– У нас семейная газета. Мы специализируемся на оптимистических сюжетах с общественно значимым уклоном.

«Мокинбургские вести» печатали лстивые истории из жизни местных бизнесменов, короткие биографии народных любимцев. Тонкие страницы газеты были набиты головоломками и конкурсами, сводными колонками, сенсациями и комиксами. В каждом номере печаталась шутильная анкета: «Являетесь ли вы потенциальным алкоголиком?»

Панч вздохнул, делая вид, будто принимает важное решение.

– Поставлю тебя на обзор городских новостей – в помощь Элу Каталогу. Он введет тебя в курс дела. Задания будешь получать от него.

Зарплата предполагалась жалкая, однако Куойл этого не знал.

Эл Каталог, человек с лицом, похожим на заячью морду, обросшую щетиной, и лоснящимися губами, ногтем поставил галку в списке заданий. Его взгляд со скоростью пневматического молота метнулся к подбородку Куойла и обратно.

– Ну что ж, собрание педсовета по планированию – то, что нужно для начала. В младшей школе. Не хочешь сгонять туда сегодня вечером? Посидишь на детских стульчиках. Опишешь все, что там будет, и напечатаешь отчет на машинке. Максимум пятьсот слов. Если хочешь, прихвати диктофон. Принесешь мне свою заметку до полудня. Я сам посмотрю ее, прежде чем передавать тому черному сукину сыну в редакторской.

«Черным сукиным сыном в редакторской» был Партридж.

Сидя на собрании в заднем ряду, Куойл делал записи в блокноте. Придя домой, всю ночь за кухонным столом печатал и перепечатывал снова и снова. Утром, с темными кругами под глазами, взвинченный от кофе, вошел в отдел новостей и стал дожидаться Эла Каталога.

Эд Панч, всегда являвшийся первым, прошмыгнул в свой кабинет, как угорь под камень. Начался утренний парад: сотрудник отдела городских сенсаций, размахивающий пакетом с кокосовыми пончиками; высокая китайка с налакированной прической; пожилой начальник отдела распространения с руками, будто свитыми из стального троса; две макетчицы; фоторедактор во вчерашней рубашке с пятнами от пота под мышками. Куойл, сидя за столом, пощипывал подбородок, опустив голову и притворяясь, будто правит собственную статью. В статье было одиннадцать страниц.

В десять часов явился Партридж. Красные подтяжки и льняная рубашка. Кивнул, прошагал через весь отдел, сунул голову в нору Панча, подмигнул Куойлу и устроился за дальним столом в редакторском отсеке.

Партридж знал массу всего: что мокрая веревка выдерживает больший груз, чем сухая, что вареное яйцо крутится лучше, чем сырое. Прикрыв глаза и слегка откинув голову назад, в легком трансе, он мог на память воспроизводить всю бейсбольную статистику, как древние – «Илиаду». Он перекраивал банальную прозу, очищая ее от всего лишнего, выводя подражателей на шаблоны Джимми Бреслина³.

– Куда подевались те, прежние репортеры? – бормотал он. – Готовые вмиг сорваться с места, язвительные, эти вечно пьяные сукины дети, ночные ястребы, которые на самом деле умели писать.

Куойл подошел и протянул ему свою статью.

– Эла еще нет, – сказал он, подравнивая стопку листов, – поэтому я подумал, что лучше сначала показать это тебе.

Его друг не улыбнулся. Он был на службе. Несколько секунд он читал, потом поднял голову, и на его лицо упал свет от флуоресцентной лампы.

---

³ Джимми Бреслин – известный американский журналист (1927–2013). Более 40 лет работал «уличным репортером», как он сам себя называл, многие журналисты стремились подражать ему. Самую известную награду – Пулитцеровскую премию – он получил в 1986 году «за колонки в защиту обычных граждан». Как отмечают его коллеги, Бреслин умел находить подробности, которых другие не видели.

– Если бы Эдна была на месте, она бы порвала это на мелкие кусочки. А если бы это увидел Эл, он бы выгнал тебя вшаей. Ты должен все переписать. Садись-ка. Я покажу, в чем твои ошибки. Говорят, что репортера можно слепить из чего угодно. Вот на тебе и проверим.

Именно этого Куойл и ожидал.

– Итак, твое введение. Господи Иисусе! – воскликнул Партридж и стал читать вслух высоким голосом нараспев: «Вчера вечером Комиссия по планированию района Пайн-Ай большинством голосов приняла решение о пересмотре более ранних рекомендаций по поправкам к муниципальному кодексу застройки, которые должны были увеличить минимальный размер участков для жилых объектов во всех районах, кроме центра города, до семи акров». Это прочесть – все равно что кусок цемента прожевать. Слишком длинно. Ай-ай-ай, как длинно. Путано. Никакой человеческой заинтересованности. Ни одного живого слова. Тоска. – Его карандаш порхал по фразам Куойла, что-то переставляя и вымарывая. – Слова должны быть короткими. Предложения тоже. Разбей их на части. Посмотри сюда и сюда. Вот суть твоего взгляда. Вот собственно новость. Вынеси ее в начало.

Он ловко перемещал слова. Куойл в испуге и волнении склонился над ним, но ничего не понимал.

– Ладно, идем дальше, – сказал Партридж. – «Член Комиссии по планированию района Пайн-Ай Дженис Фоксли подала в отставку после бурного совещания, состоявшегося поздним вечером во вторник. “Я не собираюсь сидеть здесь и наблюдать, как предают и продают бедное население этого района”, – сказала она. За несколько минут до этого ее заявления комиссия девятью голосами против одного утвердила новый кодекс застройки. Отныне законный минимальный размер участков для жилых объектов равняется семи акрам». Не хватает живости, никакого стиля, и по-прежнему слишком длинно, – сокрушался Партридж, – но движение уже в нужном направлении. Улавливаешь идею? Понимаешь, в чем суть новости? Что ты хочешь донести в первую очередь? Здесь вот что можно сделать, посмотри. Нужно дать собственную интерпретацию.

Энергичные усилия Партриджа, однако, ни к чему не привели. Спустя полгода интенсивного обучения Куойл так и не усвоил, что такое новость, и не приобрел способности подмечать детали. Кроме двенадцати-пятнадцати привычных глаголов, остальных он боялся. И сохранял пагубную склонность к неправильному употреблению деепричастных оборотов. «Перебравшись в город, условия их жизни сильно ухудшились». Увидев это, литографчица Эдна, женщина резкая, вскочив из-за стола, заорала на него:

– Вот тупой придурок! Как, черт бы тебя подрал, условия жизни могут перебраться в город?!

Куойл являл собой очередной образчик полуграмотного журналиста, коих в наши дни развелось немало. Поставить бы их всех к стенке!

Во время летучек Куойл сидел и что-то записывал в блокноте. Казалось, будто он участвует в происходящем. Ни рык Эдны, ни колкости Партриджа его не обижали. Он с детства привык к грубому обращению брата и жестокой критике со стороны отца. Собственное имя, отдельной строкой написанное под текстом статьи, приводило его в восторг. Ненормированный рабочий день внушал ему ощущение, будто он сам хозяин своего времени. За полночь возвращаясь домой после обсуждения третьестепенного муниципального подзаконного акта об утилизации бутылочной тары, он чувствовал себя винтиком в механизме власти. На обычные явления повседневной жизни смотрел с точки зрения газетных заголовков: «Человек не спеша пересекает парковку», «Женщины рассуждают о дожде», «Телефонный звонок в пустой комнате».

Партридж трудолюбиво старался натаскать его.

– Отсутствие события – это тоже новость, Куойл.

– Понимаю, – засунув руки в карманы, кивал тот, притворяясь, будто действительно понимает.

– Это заметка о собрании окружного товарищества транспортников? Месяц тому назад они были готовы запустить программу пассажирских перевозок мини-фургонами в четырех городах при условии, что к ним присоединится Багл Холлоу. Ты пишешь, что они встречались вчера вечером и только где-то ближе к концу, вскользь, как о незначительной детали, упоминаешь, что Багл Холлоу отказался от сотрудничества с ними. Ты знаешь, сколько стариков, не имеющих своих машин, людей, которые не могут позволить себе приобрести даже подержанный автомобиль, при этом живущих в пригороде и каждый день ездящих на работу в город, ждали пуска этих проклятых микроавтобусных маршрутов? А теперь никаких микроавтобусов не будет. Новость, Куойл, новость! Пошевели извилинами.

Минуту спустя он добавил уже совсем другим тоном, что в пятницу вечером будет готовить маринованную рыбу по-гречески с красными перцами на вертеле, и не хочет ли, мол, Куойл зайти?

Куойл хотел, только он так и не понял, о каких таких «извилинах» толковал Партридж.

В конце весны Эд Панч вызвал Куойла к себе в кабинет и сообщил ему, что он уволен. Его сокрушенный взгляд был устремлен куда-то за ухо Куойла.

– Это, скорее, временное увольнение, ввиду отсутствия работы. Если позднее дела наладятся...

Куойл устроился таксистом на полставки.

Партридж знал, почему это случилось. Уговорив Куойла надеть необъятный фартук, вручив ему ложку и банку горчицы, он сказал:

– Его дети закончили колледж и вернулись. Им и досталась твоя работа. Да ты не печалься, оно того не стоит. Все правильно. Намажь мясо горчицей и дай ему пропитаться.

В августе, посыпая укропом жаркое по-русски с пикунками, Партридж сообщил:

– Панч хочет, чтобы ты вернулся. Сказал, чтобы ты приходил в понедельник утром, если тебе это интересно.

Панч изобразил, будто делает это нехотя. Всячески давал понять, что оказывает Куойлу особую любезность. Что это временно.

На самом деле Панч давно заметил, что Куойл, сам человек неразговорчивый, располагает к разговорам собеседников. Его единственный талант в жизненной игре. Внимательный вид, льстивые кивки вызвали у людей бурное желание высказывать свои мнения, делиться воспоминаниями, раздумьями, теоретизировать, предлагать свои догадки, толкования, делать выводы и разворачивать пояснения, он умел выжать из незнакомца историю его жизни.

Так и повелось. Увольнение, работа на автомойке, возвращение.

Увольнение, работа в такси, возвращение.

Он кочевал по всему округу, выслушивая бурные дебаты в управлениях канализационных хозяйств и дорожных комиссиях, клепаю статьи о бюджетах на ремонт мостов. Ничтожные решения местных администраций представлялись ему жизненно важными. В профессии, которая требовала вгрызаться в человеческую натуру, чтобы открывать миру глаза на коррозию цивилизации, Куойл конструировал персональную иллюзию неотвратимой поступи прогресса. В атмосфере разлада и дымящегося соперничества он воображал себе разумный компромисс.

Куойл и Партридж ели отварную форель и креветки в чесночном соусе. Меркалии дома не было. Куойл отодвинул тарелку с салатом из фенхеля и потянулся за креветкой, когда Партридж постучал ножом по бутылке.

– Объявление. Про Меркалию и меня.

Куойл ухмыльнулся. Думал услышать, что они ждут ребенка. И уже примерял на себя роль крестного отца.

– Мы переезжаем в Калифорнию. Отбываем в пятницу вечером.

– Что? – переспросил Куойл.

– За чем мы едем? За свежими продуктами. Вино, спелые помидоры, авокадо. – Он разлил по стаканам фюме-блан и добавил уже серьезно, что на самом деле он едет не за плодами природы, а за любовью. – Единственное, что имеет значение в жизни, – это любовь, Куойл. Она двигатель жизни.

Меркалия бросила свою диссертацию, сообщил он, и пошла в «синие воротнички». Путешествия, ковбойские сапоги, деньги, шипение воздушных тормозов, четыре динамика в кабине, и изо всех – «Аптаун стринг куортет»⁴. Записалась в школу водителей-дальнобойщиков. Окончила с отличием. Саусалитское⁵ отделение «Оверленд экспресс» приняло ее на работу.

– Она первая чернокожая женщина-дальнобойщица в Америке, – сказал Партридж, сморгнув слезу. – Мы уже сняли квартиру. Остановились на третьей из тех, что она посмотрела.

Он сообщил, что в квартире есть кухня с французскими дверями и что бамбуковый навес осеняет благословенной тенью внутренний дворик. Еще есть лужайка размером с молеальный коврик, на которой он будет преклонять колена.

– Ей достался новоорлеанский маршрут. Туда я и собираюсь. Буду делать сэндвичи с копченой уткой и холодными цыплячьими грудками с эстрагоном ей в дорогу, чтобы она не ходила по закусочным. Не хочу, чтобы Меркалия посещала забегаловки для дальнобойщиков. Буду выращивать эстрагон. Возможно, найду работу. Литературные редакторы всегда требуются. Работу можно найти везде.

Куойл попытался подыскать слова для поздравления, но кончилось тем, что он просто тряс и тряс руку Партриджа, не отпуская ее.

– Слушай, приезжай к нам в гости, – сказал Партридж. – Не пропадай.

И они, сначала широко разведя, с такой силой соединили ладони для рукопожатия, будто зачерпывали воду из колодца.

Куойл застрял в заштатном Мокинбурге, умиравшем уже в третий раз. За двести лет своей истории он проковылял от диких лесов и лесных племен до крестьянских ферм и рабо-

---

⁴ The Uptown String Quartet – джазовый струнный квартет из Лос-Анджелеса, созданный в 1985 г. и популярный в 1980—1990-х.

⁵ Саусалито – город на тихоокеанском побережье США, на северном берегу бухты Сан-Франциско, в штате Калифорния. У Саусалито начинается северный въезд на мост Золотые Ворота, переброшенный через залив Сан-Франциско.

чего города станков и фабрик по производству автопокрышек. В долгие годы экономического спада центр города опустел, почили все торговые центры. Фабрики были выставлены на продажу. Остались улицы трущоб, молодежь с пистолетами в карманах, унылая политическая трескотня, злые языки и неосуществленные идеи. Кто знает, куда подевались люди? Может, уехали в Калифорнию?

Куойл покупал продукты в гастрономе «Эй энд Би»; заправлял машину на круглосуточной стоянке «Ди энд Джи»; чинил ее в гараже «Ар энд Ар», если требовалось заменить ремни или еще что-нибудь. Он писал свои статьи, жил в трейлере, взятом напрокат, смотрел телевизор. Иногда мечтал о любви. А что? Это свободная страна. Когда Эд Панч увольнял его, устраивал пир с вишневым мороженым и консервированными равиоли.

Он абстрагировался от времени. Считал себя газетным репортером, но не читал ни одной газеты, кроме «Мокингбургских вестей», поэтому умудрился пройти мимо таких явлений, как терроризм, глобальное изменение климата, падение правительств, химические выбросы в атмосферу, эпидемии, экономический спад, банкротство банков, плавающий в океане космический мусор, разрушение озонового слоя. Извержение вулканов, землетрясения и ураганы, религиозные махинации, бракованные автомобили и шарлатаны от науки, массовые убийства и серийные убийцы, мощный, наподобие океанского прилива, рост онкологических заболеваний и СПИДа, истребление лесов и взрывающиеся в воздухе самолеты – все это было так же далеко от него, как плетение косичек, воланы и вышитые розочками подвязки. Научные журналы выплескивали потоки статей о вирусах-мутантах, о медицинских аппаратах, способных вдохнуть жизнь в полумертвых людей, об открытии, свидетельствующем, что галактики фатально стремятся к невидимому Великому Аттрактору⁶, как мухи к соплу работающего пылесоса... Все это относилось к жизням других людей. А он ждал, что его собственная только еще вот-вот начнется.

У него вошло в привычку, бродя вокруг трейлера, вслух вопрошать: «Кто знает?» Он произносил «кто знает?», хотя знал, что не знает никто. Просто этим он хотел сказать, что случиться может всякое.

Закрученная монетка все еще вращалась на своем ободке и могла упасть на любую сторону.

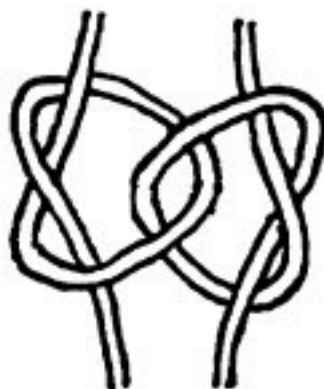
---

⁶ Великий Аттрактор (*англ.* Great Attractor) – гравитационная аномалия, расположенная в межгалактическом пространстве на расстоянии около 250 млн световых лет от Земли.

2. Любовный узел

В былые времена влюбленный моряк мог послать объекту своей привязанности кусочек рыболовной лески, свободно сплетенной в двойной узел восьмеркой – символ любви и преданности.

Если узел отсылали ему обратно в том же виде, в каком он был получен, это означало, что отношения застыли в неопределенности. Если узел возвращался туго затянутым, значит, страсть была взаимной. Но если узел оказывался «опрокинутым», это следовало понимать как совет «отчаливать».

И вот как-то на собрании появилась Петал Бза⁷. Стройная, с влажной кожей, горячая. Подмигнула ему. Куойлу, как и большинству крупных мужчин, нравились миниатюрные женщины. У стола с закусками они оказались рядом. Серые, близко посаженные глаза, выющиеся волосы цвета дубовой коры. В свете флуоресцентных ламп ее кожа казалась бледной, как свечной воск. На веках тускло поблескивали тени. Розовый свитер с люрексом. Все это легкое мерцание будто окутывало ее ореолом света. Она улыбалась губами, накрашенными перламутровой помадой и смоченными сидром. Его рука метнулась к подбородку. Она выбрала печенье с глазками из цукатов и миндальным орешком вместо рта. Глядя на Куойла, откусила, печенье приобрело форму молодого месяца. Невидимая рука сплела кишки Куойла в петли и перехлесты. Из груди под рубашкой вырвался хрип.

– О чем вы думаете? – спросила она – речь у нее была стремительной – и добавила то, что добавляла всегда: – Хотите на мне жениться, правда? – Подождала остроумного ответа. Начав говорить, она изменилась, сделалась дерзкой, соблазнительной; эротическая аура окутала ее, как блестящая водяная пленка еще миг облегает тело только что вынырнувшего пловца.

– Да, – ответил он вполне серьезно.

Ей это показалось остроумным. Она рассмеялась и вложила свои пальцы с острыми ноготками в его ладонь. Пристально посмотрела ему в глаза – словно окулист, ищущий дефект. Какая-то женщина, глядя на них, скорчила гримасу.

– Идем отсюда, – шепнула девушка, – выпьем где-нибудь. Сейчас двадцать пять минут восьмого. Думаю, к десяти я тебя уже трахну, что ты об этом думаешь?

Позднее она призналась:

– Бог ты мой, такого большого я еще не видела.

---

⁷ Отангл. Bear – медведь.

Как горячий рот согревает холодную ложку, так Петал разогрела Куойла. Он шагнул из своего арендованного трейлера с кучей грязного белья и банок из-под консервированных равиоли прямо в эту мучительную любовь, сердце его осталось навек израненным иголками, вытатуированными на нем имя Петал Бэа.

Последовал месяц бурного счастья. А за ним – шесть изломанных лет страданий.

Петал Бэа была словно бы вся заштрихована страстными желаниями, но после замужества они не имели к Куойлу никакого отношения. Желание обернулось неприязнью, как резиновая перчатка, вывернутая наизнанку. Будь она другого пола и живи в другое время, она была бы Чингисханом. Ей бы пристали сожженные города, бредущие толпы ропшущих пленников, лошади, загнанные при объезде границ ее постоянно расширяющихся владений, но приходилось довольствоваться очень скромными триумфами, одержанными в сексуальных схватках. Вот так оно и бывает, говорила она себе. В твоём лице.

Днем она продавала охранные системы сигнализации «Нортен секьюрити», а по ночам превращалась в женщину, которую нельзя было вытащить из гостиничных номеров незнакомцев и которая была готова совокупляться даже в вонючих туалетах и кладовках со швабрами. Она шла куда угодно с кем угодно. Летала в ночные клубы за тридевять земель. Снималась в порнографических видео, надев на лицо маску, вырезанную из пакета от картофельных чипсов. Затачивала карандаш для подведения глаз кухонным ножом, после чего Куойл удивлялся: откуда на его бутерброде с сыром зеленые полосы?

Ей был ненавистен вовсе не уродливый подбородок Куойла, а его холопская робость: он словно ждал ее гнева, ждал, что она заставит его страдать. Она терпеть не могла его горячую спину, его тушу рядом в кровати. Увы, все, что было в Куойле восхитительного, оказалось неотделимым от всего остального. И это тяжелое, как у моржа, дыхание на соседней подушке. Между тем Петал оставалась любопытным уравнением, которое привлекало множество математиков.

– Прости, – пробормотал он, скользнув волосатой ногой по ее бедру. Его пальцы с робкой мольбой поползли по ее плечу. Она содрогнулась и стряхнула его руку.

– Не надо!

Она не добавила: «Жирная свинья», но он это услышал. Не было такого, чего бы ее в нем не раздражало. Она хотела, чтобы он провалился сквозь землю. И ничего не могла с этим поделать, так же как он ничего не мог поделать со своей безрассудной любовью.

У Куойла одеревенели губы, он чувствовал, будто на него туго, как на барабан лебедки, наматывается канат. Чего он ждал, решив жениться? Не такой уцененной жизни, как у его родителей, а чего-то вроде того, что происходило на заднем дворе у Партриджа: друзья, дымок над грилем, привязанность, не нуждающаяся в словах. Но этого не случилось. А случилось то, что он чувствовал себя деревом, а ее – колючей веткой, привитой к его стволу, которая гнулась при малейшем дуновении ветра и хлестала по нему, раздирая шипами израненную кору.

Все, что у него было, – это то, что он себе воображал.

Спустя четыре дня после рождения Банни в доме появилась нянька, которая тут же развалилась в кресле перед телевизором, – у миссис Мусап были такие толстые руки, что на них не налезали никакие рукава, – а Петал, напялив платье, на котором не так видны были пятна на отвисшем животе и мокнувшей груди, отправилась на охоту, заложив основы определенной модели поведения. На следующий год, будучи беременной Саншайн, она кипела от злости все время, пока чуждое существо не вышло из нее.

Суэта всколыхнула унылый штиль жизни Куойла. Потому что именно он нянчился с детьми, иногда ему приходилось даже брать их с собой на работу: Саншайн висела в рюкзаке у него за спиной, Банни цеплялась за его штанину, не вынимая пальца изо рта. Машина была завалена газетами, крошечными рукавичками, разорванными конвертами, детскими зубными кольцами. На заднем сиденье образовалась корка засохшей зубной пасты из раздавленного тюбика. Пустые банки из-под газировки катились по всему салону.

Куойл возвращался в свой съемный дом вечером. Изредка там оказывалась Петал; чаще всего – миссис Мусап, коротавшая сверхурочное время перед телеэкраном, загнипнотизированная его электронным свечением и симуляцией жизни, курившая сигареты и на все плюющая. На полу вокруг ее ног валялись облысевшие куклы. Стопки грязной посуды кренились набок в раковине, потому что миссис Мусап заявила, что она не домработница и быть ею не собирается.

Сквозь клубки полотенец и электрических проводов – в ванную, потом – в детскую, там он опускал жалюзи, чтобы уличный свет не бил малышам в глаза, потеплее укрывал их одеяльцами на ночь. Две колыбельки стояли впрытык друг к другу, как птичьи клетки. Зевая, Куойл перемывал немного тарелок, после чего падал на застиранные серые простыни и проваливался в сон. Домашнюю работу он делал тайком, потому что, если Петал заставляла его моющим пол или стирающим, она приходила в ярость: ей казалось, что он делает это нарочно, чтобы укорить ее в чем-то. Не в том, так в другом.

Однажды она позвонила Куойлу из Монтгомери, штат Алабама.

– Я сейчас в Алабаме, и никто, включая бармена, не знает, как приготовить «Алабамскую тюрьму». – Куойл слышал смех и гул разговоров, типичные для бара. – Послушай, сходи на кухню, там на крыше холодильника лежит мой «Мистер Бостон»⁸, а то у них тут есть только старое издание. Посмотри, пожалуйста, рецепт «Алабамской тюрьмы». Я подожду.

– Почему бы тебе не вернуться домой? – жалким голосом проблеял он. – Я тебе сам приготовлю.

Она не удостоила его ответом. Молчание длилось до тех пор, пока он не взял книгу и не прочел ей рецепт; воспоминание о стремительно пролетевшем месяце любви, о ее льнувшем к нему теле, о горячем шелке комбинации под его пальцами промелькнуло в его памяти, словно поспешающая за стаей птичка.

– Спасибо, – сказала она и повесила трубку.

Случались безобразные эпизоды. Иногда она притворялась, будто не узнает собственных детей.

– Что делает этот ребенок в нашей ванной? Я пошла принять душ, а там какая-то малявка сидит на горшке! Кто это, черт побери?

Телевизор весьма кстати взорвался смехом.

– Это Банни, – отвечал Куойл. – Наша дочка Банни. – Он вымучил из себя улыбку, чтобы показать: он понимает, что это шутка. Улыбнуться шутке он мог. Еще мог.

– Господи, я ее не узнала. – Она крикнула в сторону ванной: – Банни, это действительно ты?

– Да, – ответил воинственный голосок.

---

⁸ The Old Mr. Boston Bartender's Guide (англ.) – справочник бармена, который выходит с 1935 года.

– Есть ведь еще одна, кажется? Ладно, я уйду. Не ищите меня до понедельника. Как минимум.

Ей было жаль, что он так отчаянно любит ее, но что поделаешь?

– Слушай, это неправильно, – говорила она ему. – Найди себе подружку – вокруг полно женщин.

– Мне нужна только ты, – отвечал Куойл. Жалобно, умоляюще. Облизывая манжету рукава.

– Единственное, что здесь поможет, – развод, – сказала Петал. Он затаскивал ее в гнездо. Она выталкивала его наружу.

– Нет, – стонал Куойл. – Никакого развода.

– Тогда твои похороны, – сказала Петал. В воскресном макияже радужные оболочки ее глаз серебрились. Зеленая ткань пальто напоминала плюш.

Однажды вечером, лежа в постели и разгадывая кроссворд, он услышал, как в дом вошла Петал, до него донеслись голоса. Открылась и закрылась дверца холодильника, звякнула водочная бутылка, заработал телевизор, а вскоре раздался скрип-скрип-скрип раскладного дивана в гостиной и вскрик незнакомого мужчины. Броня хладнокровия, которой он защищал свой брак, была хрупкой. Даже услышав, как за мужчиной закрылась дверь и как машина отъехала от дома, он не встал – продолжал лежать на спине, и газета шелестела у него на груди при каждом вдохе, а слезы лились из глаз прямо в уши. Как может нечто, случившееся в соседней комнате, с другими людьми, причинить такую жестокую боль?

«Мужчина умирает от разбитого сердца».

Его рука нащупала банку с арахисом на полу возле кровати.

Утром она посмотрела на него, но он ничего не сказал – только топтался по кухне с кувшином сока. Потом сел за стол, чашка дрожала у него в руке. В уголках губ белела соль от арахиса. Ее стул скрипнул. Он ощутил запах ее влажных волос, и к глазам снова подступили слезы. «Купается в своем несчастье, – подумала она. – Только посмотрите на эти глаза».

– Ради бога, стань ты наконец взрослым мужчиной, – сказала Петал, поставила свой кофе на стол и хлопнула дверью.

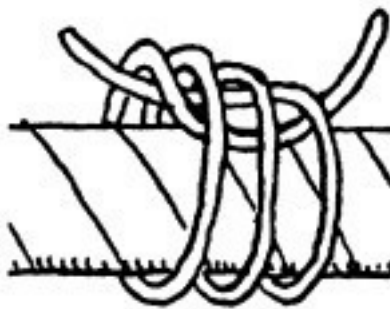
Куойл считал, что страдать надо молча, и не понимал, что это ее только еще больше бесит. Он изо всех сил старался задушить собственные чувства, вести себя кротко. Испытание любви. Чем сильнее боль, тем надежней доказательство. Если он сможет выдержать это сейчас – если только сможет, – в конце концов все будет хорошо. Конечно же, все будет хорошо.

Но обстоятельства сомкнулись вокруг него, как шесть граней металлического куба.

3. Висельный узел

Висельный узел крепко держит витки... Сначала его вяжут свободно, потом затягивают плотно.

Книга узлов Эшли

Настал год, когда эта жизнь наконец оборвалась. Голоса в телефонной трубке, лязг сминающегося металла, пламя.

Началось с его родителей. Сначала отцу поставили диагноз – рак печени, в которой начался неостановимый рост смертоносных клеток. Спустя месяц в голове матери, словно репей, застряла опухоль, от которой мысли ее съехали набекрень. Отец винил электростанцию. В двухстах ярдах от их дома, отходя от северных вышек, гудели провода, толстые, словно угри.

Родители выпрашивали у подмигивавших врачей рецепты на барбитураты и запасались ими. Когда они накопили достаточное количество препаратов, мать под диктовку отца напечатала предсмертное письмо, в котором они заявляли, что это их личный свободный выбор – уйти из жизни. Формулировки были позаимствованы из информационного бюллетеня Общества достойного ухода. В качестве способа погребения они назвали кремацию с развеянием праха.

Была весна. Пропитанная влагой почва, запах земли. Ветер хлестал по ветвям, высекая из них аромат готовой народиться зелени, словно кремьень – искру из огнива. Вдоль канав – мать-и-мачеха, отважные клювики тюльпанов, пробивающиеся в саду. Косой дождь. Стрелки часов, поспешающие к прозрачным вечерам. Рябь, пробегающая по небу, как карты в тасующей их белой, словно мел, руке.

Отец выключил бойлер. Мама полила цветы в горшках. Они проглотили накопленные капсулы, запив травяным чаем «Спокойная ночь».

Последним вялым усилием отец позвонил в газету и оставил на автоответчике сообщение для Куойла: *«Это твой отец. Звоню тебе, у Дики там, где он сейчас, нет телефона. Что ж, пора нам с твоей матерью на покой. Мы решили уйти. Наше заявление, распоряжения хозяину похоронного бюро насчет кремации и всего остального – на обеденном столе. Придется тебе самому устраивать свою жизнь, как мне пришлось устраивать свою в этом суровом мире с тех самых пор, как мы приехали в эту страну. Мне никогда никто ничего не давал. Другие на моем месте сдались бы и превратились в бродяг. Но я не таков. Я работал до седьмого пота, был подмастерьем у каменщика, таскал тележки с песком, отказывал себе во всем, чтобы дать вам с братом шанс в этой жизни, хотя не больно-то вы им воспользовались.*

Жизнь у меня была не сахар. Свяжись с Дики и моей сестрой Агнис Хэмм, передай им все это. Адрес Агнис – в столовой на столе. Где остальные родственники, я не знаю. Они не были...»
Раздался сигнал. Время, отведенное для сообщения, вышло.

На самом деле у брата, духовного служителя Церкви личного магнетизма, телефон был, и Куойл знал номер. Он почувствовал, как его внутренности свились в клубок, когда услышал в трубке ненавистный голос. Гнусавые носовые звуки, аденоидные хрипы. Брат заявил, что не ходит на панихиды по аутсайдерам.

– Я не верю в эти дурацкие предрассудки, – сказал он. – Всякие там похороны. Мы у себя в ЦЛМ устраиваем в этих случаях вечеринки с коктейлями. А кроме того, где ты собираешься найти священника, который согласится отпевать самоубийц?

– Преподобный Стейн является, как и они, членом Общества достойного ухода. Ты должен прийти. По крайней мере помоги мне расчистить подвал. Там после отца осталось тонны четыре старых журналов. Послушай, сын должен присутствовать при том, как его родителей выносят из дома. – Куойл почти всхлипывал.

– Эй, жиртрест, они нам что-нибудь оставили?

Куойл понимал, что он имеет в виду.

– Нет. Ипотечный кредит сожрал все сбережения. Думаю, в этом главная причина того, что они сделали. То есть я понимаю: они верили в достойную смерть и все такое, но ведь они истратили все, что было. Сеть астрономов обанкротилась, и пенсию отцу платить перестали. Если бы они остались жить, им бы пришлось искать работу – продавцами в «Севен-Илевен» или еще где-нибудь. Я думал, что мать тоже получала пенсию, но оказалось, что это не так.

– Ты шутишь? Должно быть, ты тупее, чем я думал. Слушай, говнюк, если там что-то будет, пришли мне мою долю. Адрес ты знаешь. – И повесил трубку.

Куойл прикрыл подбородок рукой.

Агнис Хэмм, сестра отца, тоже не приехала на прощальную церемонию. Прислала Куойлу записку на голубой бумаге, с именем и адресом, тисненными специальным почтовым штемпелем.

«Не смогу приехать на службу. Но приеду в следующем месяце, числа двенадцатого. Заберу прах твоего отца, сделаю, как он завещал, познакомлюсь с тобой и твоей семьей. Тогда и поговорим.

*Твоя любящая тетя,
Агнис Хэмм».*

Но к тетушкиному приезду у осиротевшего Куойла снова сменился семейный статус, на этот раз он из рогоносца превратился в брошенного мужа, а потом во вдовца.

– Пет, мне нужно с тобой поговорить, – взмолился он слезливым голосом.

Он знал о ее последнем ухажере – безработном агенте по продаже недвижимости, который наклеивал на бампер своей машины мистические символы и верил в газетные гороскопы. Она жила с ним, а домой являлась взять кое-что из одежды лишь изредка, а то и реже. Куойл мямлил какие-то открыточные сентиментальности. Она отворачивалась от него, глядя на собственное отражение в спальном зеркале.

– Не называй меня Пет⁹. Петал¹⁰ – и без того достаточно дурацкое имя. Меня следовало назвать Айрон¹¹ или Спайк¹².

– Железная Медведица? – Он обнажил зубы в улыбке. Точнее, в оскале.

– Не сюсюкай, Куойл. Не делай вид, что все прекрасно и забавно. Просто оставь меня в покое. – Отвернулась от него, через руку переброшены какие-то платья, обнажившиеся вешалки стали похожи на высохшие гусиные головы на длинных шеях. – Послушай, это была шутка. Я ни за кого не хотела выходить замуж. И матью я ни для кого становиться не хотела. Все это было ошибкой, я серьезно.

Однажды она исчезла. На работе в «Нортен секьюрити» тоже не объявлялась. Куойлу позвонил управляющий – Рики как-там-его.

– Видите ли, я весьма озабочен. Петал бы не «исчезла», как вы выражаетесь, ничего мне не сказав.

По его тону Куойл догадался, что Петал с ним спала. И посеяла в нем глупые надежды.

Через несколько дней после этого разговора Эд Панч, проходя мимо Куойла, кивнул ему в сторону своего кабинета. Именно так это всегда и бывало.

– Вынужден отпустить тебя, – сказал он, излучая глазами желтый свет и облизывая губы.

Взгляд Куойла привычно переполз на гравюру. Теперь он смог разобрать подпись под волосатой шеей: Хорас Грили.

– Опять спад. Не знаю, сколько еще сможет продержаться газета. Нужно сокращаться. Боюсь, на этот раз шанс взять тебя обратно невелик.

В половине седьмого он открыл дверь своей кухни. Миссис Мусап сидела за столом и что-то писала на обороте конверта. Испещренные пигментными пятнами руки были толщиной с бедро.

– А, вот и вы! – воскликнула она. – Я надеялась, что вы придете и мне не нужно будет все это писать. Рука уже устала. У меня сегодня сеанс в клинике иглоукалывания. Действительно помогает. Так, первое: миз Бэа сказала, что вы заплатите мне мою зарплату. Она задолжала мне за семь недель, это выходит три тысячи восемьдесят долларов. Буду благодарна, если вы дадите мне чек прямо сейчас. Я же, как и все, должна оплачивать счета.

– Она звонила? – спросил Куойл. – Сказала, когда вернется? Ее начальник интересуется.

Из соседней комнаты доносился звук работающего телевизора: нарастающий шорох маракас, «хихиканье» бонго¹³.

– Не звонила. Примчалась сюда часа два тому назад, упаковала всю свою одежду, велела мне кучу всего вам передать, забрала детей и отчалила с этим типом в его красном «Гео». Ну, вы знаете, кого я имею в виду. Тот самый. Сказала, что переезжает с ним во Флориду и что пришлет вам по почте какие-то бумаги. Что увольняется с работы. И была такова. Позвонила своему начальнику и сказала: «Рики, я увольняюсь». Я стояла на этом самом месте, когда она это сказала. А мне пообещала, что вы выпишете чек сразу же.

---

⁹ Pet (англ.) – домашний питомец, домашний любимец.

¹⁰ Petal (англ.) – лепесток.

¹¹ Iron (англ.) – железо, железный.

¹² Spike (англ.) – острие, шип, штык.

¹³ Бонго – небольшой двоянный барабан.

– Ничего не понимаю, – ответил Куойл. Рот у него был набит холодным хот-догом. – Она забрала детей? Она бы никогда не взяла их с собой.

«Сбежавшая мать похитила детей», – мелькнуло у него в голове.

– Хотите верьте, хотите нет, мистер Куойл, но она их забрала. Может, я ошибаюсь, но вроде бы последнее, что она сказала, это что они собираются оставить девочек у кого-то в Коннектикуте. Дети очень обрадовались, что поедут в этой маленькой машинке. Вы же знаете, их так редко куда-нибудь возят. А им до смерти хочется поразвлечься. Но что она сказала совершенно точно, так это насчет чека. Моего чека.

Мощные руки скрылись в рукавах просторного кроя «летучая мышь» ее твидового пальто с красной и золотой искрой.

– Миссис Мусап, на моем текущем счету – двенадцать долларов. Час тому назад меня уволили. Предполагалось, что жалованье вам будет платить Петал. Если вы серьезно насчет трех тысяч восьмидесяти долларов, мне придется продать наши компакт-диски. Я могу сделать это только завтра. Но вы не волнуйтесь, свои деньги вы получите. – Все это время он продолжал жевать засохшие хот-доги. Ну, и что дальше?

– Вот-вот, она все время говорила то же самое, – сказала миссис Мусап с горечью. – Поэтому-то я так и волнуюсь. Какая радость работать без денег?

Куойл кивнул. Позднее, когда она ушла, он позвонил в полицию.

– Это моя жена. Я хочу вернуть своих детей, – сказал он механическому голосу. – Своих дочерей, Банни и Саншайн Куойл. Банни шесть лет, Саншайн – четыре с половиной.

Да, они были его девочками: рыжие волосы, веснушки – как мелкая солома на мокрой собачьей шерсти. Младенческая красота Саншайн – в ее спутанных оранжевых кудряшках. Банни невзрачная. Но очень умненькая. Такие же, как у Куойла, бесцветные глаза под рыжими бровями, левая искривлена и перечеркнута шрамом, оставшимся от падения с магазинной тележки. Выющиеся волосы коротко острижены. Обе девочки широкие в кости.

– Они похожи на предметы мебели, сколоченные из упаковочной тары, – острила Петал.

Директриса детского сада сочла их не поддающимися воспитанию нарушительницами порядка и исключила сначала Банни, потом Саншайн. За то, что они щипались, толкались, вопили и все время чего-то требовали. Миссис Мусап считала их негодницами, которые вечно ныли, что хотят есть, и не давали ей смотреть любимые телепередачи.

Но с того первого мига, когда Петал объявила, что беременна, швырнула на пол сумочку – словно кинжал всадила, – запустила в Куойла туфлями и сказала, что сделает аборт, Куойл любил – сначала Банни, потом Саншайн, любил со страхом, что, появившись на свет, они проведут с ним лишь время, словно бы данное в займы, и однажды случится нечто ужасное, что разлучит их с ним. Но ему и в голову не приходило, что это будет Петал. Он думал, что хуже того, что она уже сделала ему, быть не может.

Тетушка в черно-белом клетчатом брючном костюме сидела на диване, слушая задыхающиеся всхлипы Куойла. Она заварила чай в чайнике, которым никто никогда не пользовался. Женщина с прямой, негнувшейся спиной и огненными волосами, заштрихованными сединой. Ее профиль напоминал мишень в тире. Крупная родинка цвета буйволиной кожи на шее. Взболтав чай в чайнике, она разлила его по чашкам, тонкой струйкой добавила молоко. Ее пальто, перекинутое через подлокотник дивана, напоминало сомелье, в наклоне демонстрирующего посетителю этикетку на бутылке.

– Выпей. Чай очень полезен, он бодрит. Это правда. – У нее был мелодичный голос с приятным легким присвистом – словно звук, влетающий в приоткрытое окно автомобиля на полном ходу. А тело словно бы состояло из фрагментов, как манекен для одежды.

– На самом деле я толком так о ней ничего и не узнал, – говорил Куойл, – кроме того, что ею двигали какие-то страшные силы. Ей необходимо было жить своей жизнью, по-своему. Она говорила мне это миллион раз.

В неопрятной комнате было полно отражающих поверхностей, обличавших его: чайник, фотографии, его обручальное кольцо, журнальные обложки, ложка, экран телевизора.

– Выпей чаю.

– Кое-кому, вероятно, казалось, что она испорченная, но я считаю, что у нее была неумная жажда любви. Я думаю, она просто никак не могла насытиться. Вот почему она вела себя так, как вела. В глубине души она и сама не была о себе хорошего мнения. Просто то, что она делала, на какое-то время утоляло ее страсть. Меня ей было недостаточно.

«Интересно, сам-то он верит в эту чушь?» – думала тетушка. Она догадывалась, что эта жаждущая любви Петал была выдумкой Куойла. Ей достаточно было одного взгляда в эти ледяные глаза, вызывающе соблазнительную позу, в которой Петал была запечатлена на фотографии, на сентиментально-глупую розу в вазочке с водой, которую Куойл поставил рядом, чтобы понять, что эта женщина была сукой, на которой пробы негде ставить.

Куойл задохнулся, прижав трубку к уху, чувство утраты хлынуло в него, как морская вода в пробоину корабля. Ему сообщили, что «Гео» сорвался с дороги на вираже, скатился по насыпи, усеянной местными дикими цветами, и загорелся. Дым валил из груди торговца недвижимостью, у Петал сгорели все волосы и была сломана шея.

Из машины вылетели и рассеялись вдоль шоссе газетные вырезки с сообщениями о яйце-мутанте в Техасе, о грибах, похожих на Яшу Хейфеца, о репе, огромной, как тыква, и репе, мелкой, как редиска.

Разбирая обгоревшие астрологические журналы и предметы одежды, полиция обнаружила сумочку Петал с более чем девятью тысячами долларов наличными и ее органайзер с записью о встрече с неким Брюсом Каддом утром накануне аварии. В Бэкон-Фоллс, штат Коннектикут. Там же нашлась расписка на семь тысяч долларов «за личные услуги». В полиции сказали: похоже, она продала детей этому Брюсу Кадду.

Сидя у себя в гостиной, рыдая, Куойл сквозь красные пальцы причитал, что все простит Петал, если дети окажутся живыми и невредимыми.

«Интересно, почему мы плачем, когда горюем?» – думала тетушка. – Собаки, олени, птицы страдают молча и с сухими глазами. Немые страдания животных. Вероятно, такова их техника выживания».

– У тебя доброе сердце, – сказала она. – Другой на твоём месте проклял бы ее искалеченное тело за то, что она продала детей.

Молоко вот-вот скиснет. В сахарнице – десять комков от мокрых кофейных ложек.

– Никогда не поверю, что... что она их продала. Никогда, – рыдал Куойл. Он бедром толкнул стол. Диван заскрипел.

– Может, и не продала. Кто знает? – примирительно сказала тетушка. – Да, у тебя доброе сердце. Оно тебе досталось от Сайана Куойла. Твоего несчастного деда. Я его не знала. Он умер до моего рождения. Но я видела много его фотографий. Он носил на шее зуб мертвеца.

Чтобы отпугивать зубную боль. Тогда в это верили. Так вот, говорят, что он был очень добро-сердечным. Смеялся и пел. И каждый мог в шутку обвести его вокруг пальца.

– Похоже, он был простаком, – всхлипнул Куойл, уткнувшись в чашку с чаем.

– Если так, то я впервые об этом слышу. Говорят, уходя под лед, он крикнул: «Увидимся на небесах!»

– Я слышал эту историю, – сказал Куойл; слюна у него во рту была соленой, нос распух. – Он был тогда совсем еще мальчишкой.

– Двенадцать лет. На тюленей охотился. Он добывал бельков не меньше, чем любой тамошний охотник, пока у него не случился очередной припадок и он не упал под лед. Это было в тысяча девятьсот двадцать седьмом.

– Папа иногда нам о нем рассказывал. Но ему не могло быть двенадцать. Никогда не слышал, что ему было всего двенадцать. Если он утонул в двенадцать лет, он не мог стать моим дедушкой.

– О, ты не знаешь ньюфаундлендцев! Хотя ему и было двенадцать, он успел стать отцом твоего отца. Но не моего. Моя мать Эдди – твоя бабушка – была сестрой Сайана, а после того как юный Сайан утонул, она вышла за другого брата, Турви. А потом, когда и тот утонул, – за Коки Хэмма, вот он-то и стал моим отцом. Там, на мысе Куойлов, она прожила много лет, там и я родилась, а потом мы переехали в Кошачью лапу. Когда мы туда перебрались в тысяча девятьсот сорок шестом году, после того как мой отец погиб...

– Утонул, – подсказал Куойл. Он невольно прислушивался к ее рассказу, сморкаясь в бумажные салфетки. Потом складывал их и пристраивал на край блюда.

– Нет. Его убили. Тогда-то мы и переехали в эту вонючую бухту Кошачья лапа, где местные обращались с нами, как с грязью. Там была жуткая девчонка, с лиловой паршой на лбу. Она бросалась камнями. А потом мы уехали в Штаты. – Она пропела: «Горюет Новая земля по душам, бросившим ее». – Вот и все, что я помню из этой песенки.

Куойлу была ненавистна мысль, что его дедушкой был кровосмеситель, припадочный ребенок – убийца тюленей, но у него не было выбора. Тайны неведомой ему семьи.

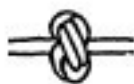
Когда ворвалась полиция, фотограф в перепачканных плотно облегающих трусах гавкал что-то в телефон. Голые дочери Куойла, разбрызгав по кухонному полу моющее средство для посуды, катались на нем.

– Скорее всего, они не подвергались сексуальному насилию, мистер Куойл, – сказал голос в телефоне. Куойл не мог определить, был это женский или мужской голос. – Видеокамера там имелаась. И по всему дому валялись пустые видеокассеты, но то ли камеру заклинило, то ли что-то еще. Когда вошла полиция, он звонил в магазин, где купил ее, и орал на служащего. Детей осмотрел педиатр – специалист по детям, подвергшимся насилию. Она говорит, что признаков физического воздействия на них нет, если не считать того, что их раздели и обстригли ногти на руках и ногах. Но у этого типа явно что-то было на уме.

Куойл не мог произнести ни слова.

– Дети находятся под присмотром миссис Бейли в офисе социальной службы, – продолжал беспольный голос. – Вы знаете, где это?

Саншайн, вся перемазанная шоколадом, крутила ручку, приводившую в действие систему пластмассовых сцеплений. Банни спала в кресле с закатившимися под лиловые веки глазами. Он перенес их в машину, прижимая к себе горячими руками и бормоча, что любит их.

– Девочки похожи на Фини и Фанни в детстве, на моих младших сестер, – сказала тетушка, утвердительно кивая. – Выглядят точно как они. Фини теперь живет в Новой Зеландии, она морской биолог, знает все об акулах. Этой весной сломала бедро. Фанни – в Саудовской Аравии. Замужем за сокольничим. Вынуждена закрывать лицо черной тряпкой. Идите сюда, девочки, обнимите покрепче свою тетю.

Но дети кинулись к Куойлу, вцепились в него, как выпавший из окна цепляется за карниз, как поток электрических частиц замыкает разрыв в цепи. От них пахло моющим средством «Сьерра фри» с ароматом календулы и мяты. Тетушка наблюдала за ними с необъяснимым видом. Возможно, он означал мечтательность.

Куойл, пребывая в тисках тревоги, видел сейчас перед собой стойкую пожилую женщину. Свою единственную родственницу женского пола.

– Останься с нами, – сказал он. – Я не знаю, что делать.

Он ожидал, что тетушка отрицательно покачает головой и скажет – нет, ей нужно возвращаться, она может задержаться не дольше чем на минуту.

Но она кивнула.

– На несколько дней. Чтобы наладить ваш быт, – сказала она и потерла руки, словно официант только что поставил перед ней тарелку с деликатесом. – На все это можно посмотреть и с другой стороны, – добавила она. – У тебя появился шанс начать все сначала. На новом месте, среди новых людей, с новыми перспективами. С чистого листа. Понимаешь, ты можешь стать кем захочешь, если начнешь жизнь сначала. В некотором роде именно это делаю сейчас и я.

Она о чем-то задумалась, потом спросила:

– Хочешь познакомиться кое с кем? Уоррен сидит там, в машине, и грезит о былых подвигах.

Куойл представил себе дряхлого мужа тетушки, но Уоррен оказалась собакой с черными веками и обвисшей мордой. Когда тетушка открыла заднюю дверцу, та зарычала.

– Не бойся, – успокоила его тетушка. – Уоррен больше никогда никого не покусает. Два года назад ей вырвали все зубы.

4. Потерпевший кораблекрушение

Потерпевший кораблекрушение – вынужденный покинуть корабль ввиду какого-то бедствия.

Матросский словарь

Лицо у Куойла – цвета потускневшей жемчужины. Он вжимается в сиденье на пароме, направляющемся на Ньюфаундленд; под щекой у него сложенная ветровка с мокрым рукавом, который он искусал.

Запах морской влаги, краски и свежесваренного кофе. Никуда не деться от треска атмосферных помех в динамиках громкоговорителя и звуков стрельбы, доносящихся из кинозалона. Пассажиры распевают: «Еще один доллар – и я вернусь домой», раскачиваясь из стороны в сторону с поднятыми бокалами виски.

Банни и Саншайн стоят на сиденьях напротив Куойла и через стеклянные двери глядят на комнату игр. Малиновые майларовые¹⁴ стены, потолок, в котором отражаются головы и плечи – словно разлетевшиеся амурсы со старинных валентинок. Детям хочется туда, где играет музыка, похожая на бурление воды.

Рядом с Куойлом – комок тетушкиного вязанья, из которого торчат спицы, они впиваются ему в бедро, но он не обращает на это внимания. Думает только о том, чтобы не вырвало. Хотя паром направляется на Ньюфаундленд, сулящий ему шанс начать новую жизнь.

Тетушка привела убедительные доводы. Что мог дать ему Мокинбург? Безработный, жена погибла, родители умерли. А тут кстати появились деньги – страховка Петал на случай внезапной смерти или увечья от несчастного случая. Тридцать тысяч супругу и по десять – каждому из законных детей. Сам он и не вспомнил о страховке, но тетушке это сразу пришло в голову. Дети спали, Куойл с тетушкой сидели в кухне за столом. Тетушка – в просторном лиловом платье, с каплей виски, добавленного в чай. Куойл – с чашкой «Овалтина»¹⁵.

– А это чтобы лучше спать, – сказала тетушка и протянула ему голубые снотворные таблетки. Он пришел в замешательство, но проглотил их. Ногти у него были обкусаны до самого мяса.

– Разумно было бы тебе начать новую жизнь в новом месте, – сказала тетушка. – Не только ради себя самого, но и ради детей. Это поможет тебе справиться с тем, что случилось. Знаешь, говорят, чтобы пережить утрату, требуется не меньше года, полный календарный цикл. И это правда. И пережить утрату легче, сменив место жительства. А какое место может быть более естественным, чем то, откуда ведут свой род твои предки? Порасспрашивай знакомых, коллег по газете, послушай сарафанное радио. Может, найдешь там себе работу. А для девочек путешествие станет приключением. Возможностью увидеть другую часть света. И еще, честно признаться, – она похлопала его по руке своей старческой, покрытой пигментными пятнами ладонью, – и мне будет подспорьем иметь тебя рядом. Уверена, из нас получится неплохая команда.

---

¹⁴ Майлар – пленка на основе синтетического волокна, называемого также *лавсаном*; обладает свето-, водо- и воздухопроницаемыми свойствами.

¹⁵ «Овалтин» – порошок для приготовления питательного шоколадно-молочного напитка.

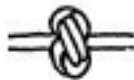
Тетушка подперла рукой подбородок.

– С годами ты поймешь, что место, где ты начинал свою жизнь, притягивает все больше и больше. Когда я была молодой, меня вовсе не тянуло снова увидеть Ньюфаундленд, но в последние годы это стало чем-то вроде постоянной боли: мечта вернуться туда. Так что, можно сказать, я тоже начинаю все сначала. Переведу туда свой маленький бизнес. И тебе не повредит поискать работу.

Он подумал: не позвонить ли Партриджу, не рассказать ли ему обо всем? Но горе сделало его инертным. Он не находил в себе сил. Как-нибудь потом.

Он проснулся посреди ночи, словно вынырнул из какого-то лилового кошмара: Петал садится в хлебный фургон; водитель – толстый лысый мужчина, под носом – слюни, руки покрыты каким-то отвратительным веществом. Во сне Куойл видит одновременно оба борта машины. Видит руки, лезущие под юбку Петал, лицо, нависающее над ее волосами цвета дубовой коры, тем временем грузовик, кренясь и раскачиваясь из стороны в сторону, мчится по шоссе, перемахивает через мосты без перил. Куойл как бы летит рядом, влекомый тревогой. Свет встречных фар приближается. Он старается дотянуться до руки Петал, выдернуть ее из хлебного фургона, понимая, что сейчас случится (и желая этого водителю, который вдруг превращается в его отца), но не может, несмотря на все усилия: его сковал какой-то болезненный паралич. А фары все ближе. Он кричит, хочет предупредить ее о неминуемой смерти, но у него нет голоса. И тут он просыпается, вцепившись в простыню.

Остаток ночи он проводит в гостиной с книгой на коленях. Его глаза бегают по строчкам, он читает, но ничего не понимает. Тетушка права. Бежать отсюда.

Чтобы найти телефон Партриджа, понадобилось полчаса.

– Будь я проклят! Я как раз тут на днях о тебе вспоминал. – Голос Партриджа в телефонном динамике звучал бодро. – Думал: что, черт возьми, случилось со стариной Куойлом? Когда же ты наконец приедешь в гости? Ты ведь знаешь, что я покончил с журналистикой? Да, покончил.

Мысль о том, сказал он, что Меркалия где-то там, на дороге, одна, заставила и его пойти в школу дальнбойщиков.

– Теперь мы с ней напарники. Два года назад купили дом. Планируем вскоре приобрести собственную «упряжку», будем сами заключать контракты. Эти фургоны – прелесть: двухъярусная койка, крохотная кухонька. Кондиционер. Мы сидим, возвышаясь над потоком машин, и смотрим на них сверху вниз. А денег зарабатываем в три раза больше, чем я зарабатывал раньше. Я совсем не скучаю по газете. Ну а что нового у тебя? Все еще работаешь на Панча?

Всего десять-одиннадцать минут понадобилось Куойлу, чтобы рассказать Партриджу обо всем: от неразделенной любви до мучительных ночных кошмаров и изучения вместе с тетушкой разложенных на кухонном столе географических карт.

– Ну, Куойл, сукин ты сын, ну и потрепало же тебя. Хлебнул ты полной мерой. Ну, во всяком случае, дети у тебя остались. Вот что я тебе скажу: с журналистикой-то я покончил, но кое-какие связи у меня еще сохранились. Посмотрим, что я смогу сделать. Скажи-ка еще раз, как называются ближайшие к тому месту городки?

Городок был всего один, и назывался он очень забавно: Якорный коготь.

Партридж позвонил через два дня. Ему нравилось снова устраивать жизнь Куойла. Тот напоминал ему гигантский рулон газетной бумаги, доставленной с целлюлозного завода: чистой, но испещренной дефектами. Однако за этой расплывчатостью он различал проблеск чего-то, похожего на отражение света от колесного колпака едущей вдали машины, – мерцание, свидетельствующее о том, что в жизни Куойла есть шанс на какой-то просвет. Счастья? Удачи? Славы и богатства? Кто знает, думал Партридж. Ему так нравился богатый вкус собственной жизни, что он желал и другу испытать его разок-другой.

– Удивительно, как старые связи все еще работают. Да, там есть газета. Еженедельник. И им нужен сотрудник. Если тебе это интересно, запиши имя. Они ищут кого-нибудь, кто мог бы освещать корабельные новости. Насколько я понимаю, город расположен прямо на побережье. По возможности они хотят найти человека, знакомого с морскими делами. Куойл, ты знаком с морскими делами?

– Мой дед был охотником на тюленей.

– Господи Иисусе. Ты всегда открываешься мне с неожиданной стороны. Так или иначе, думаю, что-то из этого выйдет. Тебе нужно будет получить разрешение на работу, иммиграционные документы и все такое прочее. Держись этих ребят, они помогут. Ответственного секретаря зовут Тертиус Кард. Есть карандаш? Я продиктую тебе номер его телефона.

Куойл записал.

– Ну, удачи. Дай знать, как все пройдет. И помни: когда бы ты ни захотел приехать сюда, ты можешь жить у нас с Меркалией, только приезжай. Это действительно хорошее место для того, чтобы заработать.

Но Куойла уже захватила мечта о севере. Ему нужно было лишь что-то, на что можно опереться.

Месяц спустя они отправлялись в путь на его универсале. Он бросил последний взгляд в зеркало заднего вида на свой бывший дом, на опустевшее крыльцо, на куст форзиции¹⁶, на волнистую линию его телесного цвета отростков в соседском саду.

Так они и ехали: Куойл и тетушка на передних сиденьях, дети – на задних, старушка Уоррен то с чемоданами в кузове, то неловко перелезая к Банни и Саншайн и втискиваясь между ними. Они делали ей бумажные шапочки из салфеток, повязывали тетушкиным шарфом ее мохнатую шею и, когда не видела тетушка, кормили чипсами.

Полторы тысячи миль, через Нью-Йорк, Вермонт, наискосок через искалеченные леса Мэна. Через Нью-Брансуик и Новую Шотландию по трехполосным шоссе. Инцидент на средней полосе, заставивший тетушку сжать кулаки от страха. Жирная рыба на ужин в Норт-Сиднее, которая никому не понравилась, и ранним утром – паром до Порт-о-Баск. Наконец-то.

---

¹⁶ Форзиция – декоративный кустарник, названный в честь шотландца У. Форсайта, главного садовника Кенсингтонского дворца, который привез этот кустарник из Китая.

Куойл страдал в своем кресле, тетушка расхаживала по палубе, время от времени останавливалась и, перегнувшись через перила, склонялась над бурлящей за бортом водой. Или стояла, широко расставив ноги, заложив руки за спину и подставив лицо ветру. Волосы убраны под платок, каменное лицо и маленькие умные глаза.

Она разговорилась о погоде с мужчиной в вязаной шапочке. Кто-то, покачиваясь, прошел мимо, заметив: «Свежо сегодня, да?» Она беспокоилась за Уоррен, запертую в универсале, который сильно качало. Собака не понимала, что происходит. Она никогда не плавала по морю. Наверное, думала, что настает конец света, а она одна, в чужой машине. Человек в вязаной шапочке сказал:

– Не волнуйтесь, собака проспит всю дорогу. Они всегда так делают.

Посмотрев вперед, тетушка увидела голубую землю – остров предстал перед ней впервые за последние пятьдесят лет. Она не могла сдержать слез.

– Возвращаетесь домой? – спросил человек в вязаной шапочке. – Да, это всегда трогает.

Вот он, подумала она, остров-скала, шесть тысяч миль побережья, окутанные непроглядным туманом. Утопленники под сморщенной поверхностью воды, корабли, прокладывающие путь между утесами в ледяных ножнах. Тундра и пустоши, земля низкорослых елей, которые мужчины срубают и уволакивают.

Сколько народу приплывало сюда вот так же, как она сейчас, облокотившись о перила, вглядываясь в эту Скалу посреди моря. Викинги, баски, французы, англичане, испанцы, португальцы. Привлеченные треской с тех самых пор, когда рыба масса, мигрируя к Молуккским островам, тормозила ход кораблей. Ожидавшие найти здесь золотые горы. Впередсмотрящие мечтали о жареной гагарке и плетеных корзинах сладких ягод, но видели лишь рябь волн и огни, мерцающие вдоль корабельных лееров. Немногочисленные города, закованные в лед, айс-берги с берилловой сердцевинкой – голубые самоцветы внутри белых, – которые, по некоторым свидетельствам, источали запах миндаля. В детстве она ощущала этот горьковатый аромат.

Сходившие на берег отряды возвращались на корабль, покрытые кровавой коркой от укусов насекомых. Внутри острова одна сырость, докладывали они, болота, трясины, реки и цепочки озер, населенных птицами с железными глотками. Корабли, обдирая борта, огибали мысы и плыли дальше. Дозорные видели очертания канадских оленей, окутанных туманом.

Позднее остров обрел дурную славу места, где обитают злые духи. От весеннего голода головы у людей делались костистыми, а под чохлой плотью выступали узловатые суставы. Каких отчаянных усилий стоило выжить в трудные времена, цепляясь за жизнь зубами и когтями. Алхимия моря превращала рыбаков в мокрые кости, опустевшие суда оставались дрейфовать с косяками трески, и прибой выбрасывал их на берег. Она помнила рассказы старожил: об отце, застрелившем старших детей и себя, чтобы остальным членам семьи хватило остатков муки; об охотниках на тюленей, сбившихся на плавучей льдине, которая под их тяжестью все глубже погружалась в воду, пока кто-нибудь один не спрыгивал с нее; о людях, отважно пускавшихся в плавание во время шторма, чтобы привезти лекарства – что всегда было напрасным риском: лекарство оказывалось не тем, да и привозили его слишком поздно для спасения бьющегося в конвульсиях бедолаги.

Она не бывала в этих краях с детства, но все это снова навалилось на нее: гипнотическое кипение моря, запах крови, ненастья и соли, рыбьих голов, елового дыма и воняющих подмышек, рокот перекачиваемой шипящими волнами гальки, пресный вкус сухариков, размоченных в бульоне, спальня под навесом.

Но говорят, что теперь с той трудной жизнью покончено. Злые силы судьбы отступили перед страхованием от безработицы и ярко горящей надеждой на деньги от морских месторождений нефти. Теперь повсюду прогресс и собственность, все друг друга отпихивают и отталкивают. Так говорят.

Ей было пятнадцать, когда они уехали с мыса Куойлов, семнадцать – когда семья переехала в Штаты, став еще одной каплей в мощной приливной волне ньюфаундлендцев, бежавших из рыболовецких поселков, с островов, из потайных бухт, спасаясь от изоляции, неграмотности, штанов, сшитых из обивочной ткани, от выпадения зубов, от искореженных мыслей и грубых рук, от отчаяния.

А ее отец Харольд Хэмм умер за месяц до их отъезда: узел на стропе, державшей контейнер с несколькими баррелями гвоздей, развязался, и контейнер рухнул. Окантованное железом ребро пришлось ему по затылку, сместив позвонки и разорвав спинной мозг. Он обмяк и как подкошенный свалился на причал, лишившись чувств; кто знает, какие мысли бились в его отказавших мозгах, когда жена и дети склонились над ним, умоляя отозваться: «Папа, папа». Никто не звал его по имени – только папой, словно отцовство было приводным ремнем его жизни. Все плакали. Даже Гай, который никого, кроме себя, не любил.

Как странно, думала она, вернуться сюда с потерявшим близких племянником и прахом Гая. Она забрала урну у всхлипывавшего Куойла и отнесла ее в гостевую комнату. Лежа ночью без сна, думала: может, пересыпать прах в магазинный пластиковый пакет, завязать ручки и выбросить в мусорный контейнер?

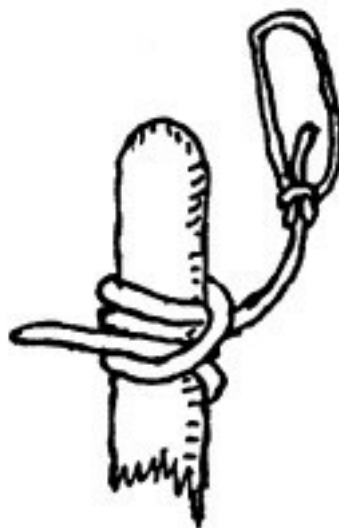
Но это была лишь досужая мысль.

Интересно, размышляла она, что изменилось больше: место или она сама? Это место было наделено незаурядной силой. Она поежилась. Но теперь все будет лучше. Облокотившись на перила, она глядела в темные воды Атлантики, шумно вздыхавшие о прошлом.

5. Стопорный узел

Стопорный узел достаточно прочен, чтобы удерживать швабру, не имеющую паза на ручке, при условии, что поверхность ручки не слишком скользкая.

Книга узлов Эшли

На полу за сиденьем стонала Уоррен. Куойл рулил вдоль западного берега пролива, омывающего Великий северный полуостров, по шоссе, изборожденному колеями от колес тяжелых грузовиков. Дорога бежала между заворачивающимися петлями волн пролива Белл-Айл и горами, похожими на голубые дыни. На другом берегу пролива виднелся угрюмый полуостров Лабрадор. Грузовики с запотевшими от тумана кабинами из нержавеющей стали караванами ползли на восток. Куойлу казалось, что он узнает это хмурое небо. Словно когда-то видел это место во сне, а потом забыл.

Машина катилась по растрескавшейся земле. Тукаморы¹⁷. Надтреснутые утесы в вулканической глазури. На уступе над морем кайра отложила свое единственное яйцо. Бухты все еще скованы льдом. Дома – словно из неотесанных гранитных надгробий, берег черный, мерцающий, как глыбы серебряной руды.

Их дом, сказала тетушка, скрестив пальцы, расположен на мысе Куойлов. Сам мыс по крайней мере все еще значится на карте. Дом пустовал сорок четыре года. Она шутила, говорила, что, может, его уже и нет, но в глубине души верила: что-то все-таки осталось, время не обманет ее надежд на возвращение. Она тараторила без умолку. Куойл, слушая ее, ехал с открытым ртом, как будто хотел распробовать вкус субарктического воздуха.

На горизонте – айсберги, словно белые тюрьмы. Необъятное полотно моря, смятое и морщинистое.

– Смотри, – воскликнула тетушка, – рыбацкие ялики!

Издали те казались крохотными. Волны разбивались о мыс. Вода взрывалась.

– Помню, один парень жил в потерпевшем крушение ялике, – сказала тетушка. – Старица Дэнни как-там-его. Ялик выбросило на берег достаточно далеко, чтобы шторм ему был

---

¹⁷ Тукамор (англ. Tuckamore) – низкорослое хвойное дерево с согнутыми и переплетенными ветром ветвями, растет в прибрежных районах Ньюфаундленда.

не страшен, Дэнни починил его. Пристроил вверх дымоход, протоптал дорожку и обложил ее камнями. Он прожил так много лет, пока однажды, когда он сидел перед своим «домом» и чинил сеть, чертова скорлупа не рухнула и не прибила его.

Дальше на восток шоссе сузилось до двух полос и пошло нырять под утесами, мимо хвойного леса, где вдоль дороги стояли предупреждающие щиты: «Вырубка запрещена!» Куойл краем глаза посматривал на редкие мотели, мимо которых они проезжали, предполагая, что ночевать им придется в одном из них.

Тетушка обвела кружком на карте мыс Куойлов. Он наподобие оттопыренного большого пальца выдавался в океан на западной стороне бухты Омалор¹⁸ – бухты Чокнутых. Дом – теперь, вероятно, рухнувший, разгромленный, сожженный, разобранный и унесенный по кусочкам, – когда-то стоял именно там. Когда-то.

Бухта на карте напоминала очертаниями бледно-голубую химическую колбу, в которую вливался океан. Корабли входили в нее через горловину «колбы». На ее восточном побережье, в трех милях за городком Якорный коготь, в маленькой бухточке, находилось поселение Мучной мешок, а вдоль основания были разбросаны маленькие пещеры. Тетушка пошарила в своей черной, плоской, как блин, сумке, вынула из нее брошюру и стала вслух читать о прелестях Якорного когтя: о статистике его государственной верфи, о рыбозаводе, грузовом терминале, ресторанах. Население – две тысячи. Потенциал безграничен.

– Твоя новая работа находится в Мучном мешке, так ведь? Это прямо напротив мыса Куойлов. По воде – мили две. По дороге – далеко. Раньше каждое утро и каждый вечер из Опрокинутой бухты в Якорный коготь ходил паром. Но, думаю, теперь его отменили. Вот если бы у тебя была лодка с мотором, ты бы мог переправляться сам.

– Как нам добраться до мыса Куойлов? – спросил он.

Тетушка ответила, что существует дорога, отходящая от главного шоссе, на карте она была обозначена пунктиром. Куойлу не нравились дороги, обозначенные на карте пунктиром, которые он видел по пути. Присыпанные гравием грунтовки, напоминавшие стиральную доску, ведущие в никуда.

Они пропустили нужный съезд и проехали вперед, пока не показались топливные насосы. Дорожный знак: «Магазин Ай-Джи-Эс». Магазин располагался в небольшом доме. Темный зал. Позади прилавка виднелась кухня, на плите, плюясь паром, кипел чайник. Банни услышала смех, доносившийся из телевизора.

Ожидая, когда кто-нибудь выйдет к ним, Куойл осмотрел снегоступы, напоминавшие медвежьи лапы. Обошел торговый зал, разглядывая самодельные полки, открытые ящики с ножами для свежевания, иглами для починки сетей, мотками лески, резиновыми перчатками, банками с тушенкой, стопку кассет с приключенческими видеофильмами. Банни посматривала через дверцу морозильника на трубочки мороженого, покрытые бородавками инея.

Жуя какой-то хрящик, из кухни вышел мужчина с колючими, как осока, волосами, торчавшими из-под шапочки, на которой было вышито название французской фирмы – производителя велосипедов. В бесцветных брюках из неизвестно чьей шерсти. Разговаривала с ним

---

¹⁸ Омалор (Omaloor) – в распространенном на Ньюфаундленде диалекте английского языка – простак, неуклюжий, недалекий человек, увалень, чокнутый.

тетушка. Куойл, чтобы позабавить детей, примерил шапку из тюленьей кожи, помог им выбирать сделанных из прищепок кукол с размаляванными улыбающимися лицами.

– Не подскажите дорогу к Опрокинутой бухте? – спросила тетушка.

Ни тени улыбки. Проглотил, ответил:

– Уже проехали. Отходит от главной дороги. Поедете обратно – будет справа. Сейчас там мало чего есть.

Он отвернулся. Его адамово яблоко на волосатой шее производило впечатление некоего странного полового органа.

Куойл, стоя у полки с комиксами, разглядывал гангстера, стреляющего из лазерной пушки в связанную женщину. Гангстеры всегда изображаются в зеленых костюмах. Он расплатился за кукол. Из пальцев мужчины выскользнули холодные монетки – сдача.

Трижды пришлось проехать туда-сюда по шоссе, прежде чем они заметили неровную дорожку, отходящую от главной дороги и взбегающую прямо в небо.

– Тетушка, боюсь, я по ней не проеду. И похоже, что она никуда не ведет.

– На ней есть колея, – ответила она, указывая на след от шин с глубоким рельефом протекторов.

Куойл свернул на сомнительную дорожку. Месиво грязи. След от колес исчез. Должно быть, машина повернула обратно, подумал Куойл, которому хотелось сделать то же самое и отложить попытку на завтра. Или она провалилась в какую-то бездонную яму.

– А когда мы уже приедем? – спросила Банни, толкнув ногой спинку переднего сиденья. – Я устала ехать куда-то. Я хочу уже быть там. Я хочу надеть купальник и поиграть на пляже.

– Я тоже, – подхватила Саншайн, и обе принялись размеренно биться спинами о спинки своих сидений.

– Для этого сейчас слишком холодно. В такую погоду плавают только белые медведи. Но вы сможете бросать камни в воду. Тетушка, взгляни на карту, далеко еще? – От многодневного сидения за рулем у него болели руки.

Она немного попыхла над картой.

– От съезда с главной дороги до Опрокинутой бухты семнадцать миль.

– Семнадцать миль по такой дороге?!

– А потом, – продолжила тетушка, словно не расслышав его возгласа, – еще одиннадцать до мыса Куойлов. До дома или того, что от него осталось. Сейчас эта дорога хоть обозначена на карте, в старые времена ее там не было. В такие места добирались на лодках. Ни у кого не было никаких машин. То асфальтированное шоссе, по которому мы ехали, – тоже новое, от начала до конца.

Однако подпись, отпечатавшаяся на горизонте суровым контуром скалистых вершин, свидетельствовала о том, что все здесь неизменно и нерушимо.

– Надеюсь, добравшись до Опрокинутой бухты, мы не обнаружим, что остальные одиннадцать миль надо преодолевать пешком. – Шуршание нейлонового рукава о руль.

– Не исключено. Тогда мы вернемся обратно. – Выражение лица у нее было отрешенное. Залив, казалось, рождался у нее в голове голубой галлюцинацией и потом материализовался.

Куойл сражался с дорогой.

«Машина развалилась на части на глухой овечьей тропе».

Спускались сумерки, машина еле поднялась еще на один градус. Они пробирались краями утесов. Внизу виднелась Опрокинутая бухта с брошенными покосившимися домами на берегу. Меркнувший свет. Впереди дорогу поглощала даль.

Куойл съехал на обочину и подумал: интересно, срывался ли кто-нибудь с этого обрыва, скрежеща металлом о скалу? Боковое ответвление дороги вело вниз по разрушенному крутому берегу бухты, усеянному галькой. Скорее ров, чем дорога.

– Думаю, сегодня нам до мыса не добраться, – сказал он. – Не стоит ехать дальше, пока мы не осмотрим дорогу при дневном свете.

– Надеюсь, ты не хочешь вернуться на основное шоссе? – беспокойно воскликнула тетушка. Они ведь были так близко к цели.

– А почему? – встряла Банни. – Я вот хочу в мотель, где есть телевизор и гамбургеры, и чипсы, которые можно есть в постели. И со светом, который выключается не сразу, а понемногу, пока крутишь рычажок. И телевизор можно включать и выключать специальной штуковиной, не вылезая из кровати.

– А я хочу жареного цыпленка прямо в кровать, – подхватила Саншайн.

– Нет, – сказал Куойл. – Мы останемся здесь. У нас в багажнике есть палатка, я поставлю ее рядом с машиной и буду спать в ней. Вот такой план. – Он посмотрел на тетушку, ведь это была ее идея. Но та склонилась над своей сумкой и искала в ней что-то свое. Ее старческие волосы примялись и растрепались. – У нас есть надувные матрасы и спальные мешки. Надуем матрасы, разложим заднее сиденье, постелим на него спальные мешки – получится две удобные кровати. В одной будет спать тетушка, в другой – вы, девочки, вдвоем. А мне матрас не нужен, я положу свой спальный мешок прямо на пол палатки. – Он говорил с полувопросительной интонацией.

– Но я умираю от голода, – заныла Банни. – Ненавижу тебя, папа! Ты дурак! – Она наклонилась вперед и ударила Куойла по затылку.

– А ну, молчать! – рявкнула на Банни тетушка. – Сядь-ка на место, мисс, и чтобы я никогда больше не слышала, что ты разговариваешь с отцом в таком тоне, а то схлопочешь ремня. – Тетушка дала волю гневу.

На лице Банни появилась трагическая маска.

– Петал говорила, что папа дурак. – Сейчас она ненавидела их всех.

– В некоторых вопросах мы все дураки, – примирительно сказал Куойл. Он протянул назад между сиденьями свою красную руку. Рука предназначалась Банни, он хотел утешить девочку, на которую накричала тетушка. Собака лизнула ему пальцы. У него появилось привычное ощущение, что все идет не так.

– Заявляю: больше я этого никогда делать не буду, – сказала тетушка, вертя головой по кругу и запрокидывая ее назад. – Ночевать в машине, – уточнила она. – У меня такое ощущение, будто к моей шее приварили голову. А Банни крутится во сне, как вертолетный винт.

Они молча побродили вокруг в сыром тумане. Машина покрылась налетом соли. Куойл, сощурившись, разглядывал дорогу. Петлями и зигзагами она уходила от берега, теряясь в тумане. Та часть, которая была ему видна, выглядела неплохо. Лучше, чем вчера.

Тетушка прихлопнула очередного комара и завязала платок под подбородком. Куойл мечтал о чашке крепкого кофе или хорошей видимости. Но о чем бы он ни мечтал, это никогда не сбывалось. Он свернул отсыревшую палатку.

Когда он забрасывал ее в машину вместе со спальным мешком, Банни открыла глаза, однако стоило машине тронуться, как она снова провалилась в сон. Ей снилось, что голубые бусинки одна за другой срывались с нитки, хотя она крепко держала оба конца.

В салоне универсала пахло человеческими волосами. На фоне тумана повисла радуга, за ней – другая, обе – с полным хроматическим набором цветов.

– Туманная радуга, – сказала тетушка. Как же громко тарахтел мотор универсала.

Внезапно они выехали на хорошую гравийную дорогу.

– Ты посмотри, – сказал Куойл. – Как здорово.

Дорога уходила в сторону. Они переехали бетонный мост, переброшенный над речушкой цвета темного пива.

– А толку? – сказала тетушка. – Дорога прекрасная, но к чему она здесь?

– Не знаю, – ответил Куойл, переключая скорость.

– Для чего-то же она существует. Может, люди переправляются из Якорного когтя в Опрокинутую бухту на пароме, а потом едут по ней на мыс Куойлов? Бог его знает. А может, тут есть местный заповедник или большой отель, – размышляла тетушка. – Вот только как они добираются из Опрокинутой бухты? Дорога-то вся размыта. Да и Опрокинутая бухта заброшена.

Они заметили травяную поросль, напоминающую осоку, посередине дороги, мокрую канаву на том месте, где, судя по всему, была дренажная труба, а по заиленным обочинам – следы копыт величиной с кастрюлю.

– По этой чудесной дороге давно никто не ездил на машине.

Куойл резко затормозил. Уоррен, которую отбросило на спинку сиденья, взвизгнула. У борта машины, нависая над ней, стоял лось, недовольный тем, что приходится отступать.

Вскоре после восьми они сделали последний поворот. Дорога заканчивалась асфальтированной автомобильной стоянкой перед бетонным зданием. Вокруг расстилались пустоши.

Куойл с тетушкой вышли из машины. Стояла полная тишина, если не считать ветра, шуршавшего об угол здания, и моря, грызшего берег. Тетушка показала на трещины в стенах и несколько окон высоко под карнизом. Они подергали металлическую дверь. Она оказалась закрытой.

– Есть какие-нибудь догадки – что это такое? – спросила тетушка. – Или что это было?

– Ума не приложу, – ответил Куойл. – Но здесь все кончается. И снова поднимается ветер.

– Во всяком случае, совершенно ясно, что дорога строилась для этого здания. А знаешь, – добавила тетушка, – если нам удастся разыскать что-нибудь, в чем можно вскипятить воду, у меня в сумке есть несколько чайных пакетиков. Давай устроим привал и все обдумаем. Вместо чашек можно использовать банки из-под газировки. Как же я могла забыть кофе!

– У меня есть походная сковородка, – сказал Куойл. – Ни разу ею не пользовался. Она лежит в моем спальном мешке. Я всю ночь на ней проспал.

– Давай попробуем, – сказала тетушка и принялась собирать сухие еловые ветки, облепленные пятнами мха, – ветки она называла сухоломом, а мох – стариковскими усами. Она вспоминала какие-то местные названия. Сучья и ветки сложили под домом, чтобы защитить костер от ветра.

Куойл достал из багажника канистру с водой. Через пятнадцать минут они пили из алюминиевых банок обжигающий чай с привкусом дыма и лимонада. Тетушка натянула рукава свитера до самых кончиков пальцев, чтобы не обжечь руки о горячий металл. Дрожащий туман обволакивал их лица. Манжеты тетушкиных брюк трепетали на ветру. Охряное сияние разорвало туман на клочья и открыло взору бухту, залившуюся глазурью.

– Ой! – закричала тетушка, указывая куда-то в клубящийся туман. – Я вижу дом! Вон старые окна. Двойные дымоходные трубы. Все как было. Вон там! Говорю тебе: я его вижу!

Куойл уставился туда, куда она показывала. И увидел лишь клубящийся туман.

– Да вон же, прямо там. Пещера, а рядом дом.

Тетушка зашагала прочь.

Банни выбралась из машины прямо в спальном мешке и зашаркала по асфальту.

– Так это он и есть? – спросила она, уставившись на бетонную стену. – Какой ужас. В нем же нет окон. А где будет моя комната? Можно мне тоже содовой? Пап, из банки дым идет, и у тебя изо рта тоже. Как ты это делаешь, папочка?

Полчаса спустя они с трудом пробирались к дому: Саншайн сидела на плечах у тетушки, Банни – у Куойла, собака хромала следом. Ветер стелился по земле и выталкивал туман кверху. Блики на покрытой рябью поверхности бухты. Тетушка, указывавшая пальцем то туда, то сюда, напоминала фигурку из тира с зажатой в металлической руке сигарой. В бухте они увидели траулер для ловли морских гребешков, на полпути к горловине, за ним тянулся кильватерный след, повторяющий контур дальней береговой линии.

Банни сидела на плечах у шагавшего между тукаморов Куойла, сцепив руки у него под подбородком. Дом, который, казалось, покачивался в туманном мареве, зарос травой и напоминал гигантский куст. Она безропотно выносила отцовские руки на своих коленях, привычный запах его волос, его ворчание по поводу того, что она весит целую тонну и вот-вот его задушит. Они приближались к дому через волнующийся океан карликовых берез, и дом раскачивался в такт отцовским шагам. Ее уже тошнило от зелени.

– Будь хорошей девочкой, потерпи, – сказал он, разжимая ее пальцы.

Шесть лет отделяли ее от него, и каждый новый день расширял водораздел между ее уходящей в плавание лодкой и берегом, которым был ее отец.

– Почти уже пришли, почти уже пришли, – задыхаясь, приговаривал Куойл, понимая теперь, как тяжело достается лошадям.

Он поставил ее на землю. Банни и Саншайн стали бегать вокруг изгиба скалы. Дом отражал их голоса, делая их гулкими и неузнаваемыми.

Мрачный дом стоял на этой скале. Особенностью его было окно с двумя маленькими окошками по обе стороны – словно взрослый, заботливо обхвативший за плечи двоих детишек. Над входной дверью – веерная фрамуга. Куойл отметил, что половина стекол выбита. Краска на дереве облупилась. Крыша продырявилась. А на берег все накатывала и накатывала волна за волной.

– Это чудо, что он все еще стоит. И линия крыши ровная, как по линейке, – сказала тетушка. Она дрожала.

– Давайте посмотрим, что там внутри, – предложил Куойл. – Может, пол уже провалился в подвал?

Тетушка рассмеялась.

– Маловероятно! – весело вскричала она. – Там нет подвала.

Дом был тросами прикреплен к железным скобам, вбитым в скалу. Ржавые потеки, выбоины в камне – вроде ступенек, расщелины – достаточно глубокие, чтобы в них мог спрятаться ребенок. Тросы, ошетилившиеся протертыми жилами.

– Поверхность скалы не совсем ровная, – сказала тетушка; фразы вылетали у нее изо рта плавно, словно привязанная к древку лента, полощущаяся на ветру. Я-то этого не помню, но говорили, что во время штормов дом раскачивался, как гигантское кресло-качалка. Женщины боялись, их тошнило, поэтому дом и закрепили, теперь он ни на дюйм не отклоняется от гори-

зонтального положения, но рев, который производит ветер, играя в этих тросах, раз услышав, никогда не забыть. Ох, как хорошо я помню его во время зимних выюг. Словно непрерывный стон. – Ветер опоясывал дом незримой гирляндой. – Это одна из причин, почему я радовалась, когда мы переехали в Опрокинутую бухту. Еще там имелся магазин, и это было потрясаяще. Но потом мы опять переехали, дальше по берегу, в Кошачью лапу, а еще год спустя – перебрались в Штаты. – Она мысленно велела себе успокоиться.

Доски на окнах нижнего этажа; проржавевшие двадцатипенсовые гвозди. Куойл просушил пальцы под доски и потянул на себя. Все равно что за край мира.

– В машине есть молоток, – сказал он. – Под сиденьем. Может, и монтировка. Пойду принесу. И еду. Устроим завтрак-пикник.

Тетушке вспоминались сотни разных вещей.

– Я здесь родилась, – сказала она. – В этом доме.

Случались здесь и другие сакральные события.

– Я тоже, – сказала Саншайн, сдувая комара с руки. Банни прихлопнула его. Сильнее, чем требовалось.

– Нет. Ты родилась в Мокинбурге, Нью-Йорк. Там – сплошной дым, – сказала она, глядя на другой берег бухты. – Что-то горит.

– Это дым идет из труб в домах Якорного когтя. Там готовят завтрак. Кашу и оладьи. Видишь рыбацкую лодку посередине бухты? Видишь, как она плывет?

– Я хочу ее увидеть, – сказала Саншайн. – Но не вижу. Я ее не вижу.

– Перестань ныть, или я тебя отшлепаю, – сказала тетушка. От ветра лицо у нее покраснелось.

Куойл вспомнил, как сам канючил: «Я ничего не вижу», обращаясь к учителю математики, который стоял к классу спиной и не отвечал. После того как ветер развеял туман, море насытилось синим неоновым свечением.

Время и суровый климат сделали дерево твердым, оно крепко держало гвозди. Они выходили из него со скрежетом. Куойл сорвал щеколду, но не мог открыть дверь, пока не забил в щель монтировку и не использовал ее как рычаг.

Внутри было темно, если не считать слепящего прямоугольника света, влившегося через открытую дверь. Эхо падения досок, бьющихся о скалу. Свет пробивался сквозь стекла пластами, ложившимися на пыльный пол, словно длинные узкие полотнища желтого холста. Дети вбегали в дверь и сразу же выбегали обратно, боясь без взрослых углубляться в мрак дома и визжа, когда Куойл, срывая доски с окон, издавал жуткие возгласы: «У-у-у-х!» – и разражался смехом.

Потом, уже в доме, тетушка взбиралась по загибающейся лестнице, а Куойл пружинил поочередно на досках пола, проверяя их крепость и предупреждая: «Осторожно, осторожно!» Воздух был насыщен пылью, и все чихали. Холод, плесень; перекошенные двери на разболтавшихся петлях. Лестничные ступени, прогнувшиеся под тысячами шаркающих подъемов и спусков. Обои, отклеившиеся и свисающие со стен. На чердаке – перина, приютившая птиц, чехол весь в пятнах. Дети метались из комнаты в комнату. Даже в лучшие свои времена эти комнаты, должно быть, выглядели убого и безнадежно.

– «Еще один доллар – и я вернусь домой»¹⁹, – тоненько пропела Банни, кружась на пыльном полу. За окнами простиралась холодная гладь моря.

Куойл снова вышел из дома. Воздух, который он втягивал носом, был так же свеж, как вешняя вода для пересохшего рта. Тетушка в недрах дома кашляла и едва ли не плакала.

– Стол! Благословенный стол, старые стулья, и печка на месте, о боже, даже метла висит на стене, где всегда висела! – Она ухватила за деревянную ручку метлы. Истлевший узел лопнул, прутья рассыпались по полу, тетушка осталась с голой палкой в руке. Она видела, что дымоход проржавел, ножки у стола подкосились, стулья стали непригодны для сидения.

– Тут придется руки помозолить, как мама всегда говорила.

Теперь она бродила по комнатам, поправляла фотографии на стенах, из покосившихся рамок сыпались осколки разбитого стекла. Сняла памятную фотографию усопшей женщины: глаза чуть приоткрыты, руки перевязаны в запястьях белой ленточкой. Покинутое душой тело лежало на кухонном столе, гроб прислонен к стене.

– Тетя Элти. Она умерла от чахотки.

Теперь она разглядывала фотографию тучной женщины, прижимавшей к себе курицу.

– Тетушка Пинки. Она была такой грузной, что не могла присесть на горшок, ей приходилось ставить его на кровать, чтобы пописать.

Квадратные комнаты, высокие потолки. Свет сочился через сотни дырочек в крыше – словно пенящиеся в газировке пузырьки, которые лопались при соприкосновении со стеклянными осколками. Вот спальня, узор трещин на ее потолке она помнила лучше, чем любой другой факт своей жизни. У нее не хватало духу поднять голову и посмотреть. Снова спустившись на нижний этаж, она потрогала кресло в потеках краски, увидела, что подставки для ног на передних ножках стерлись до тонких пластиночек. Доски пола прогибались у нее под ногами, дерево было голым, как кожа. Отшлифованный морем камень – ограничитель для двери. И три «счастливых» камешка, нанизанные на шнурок, – домашний оберег.

Часом позже Куойл развел костер возле дома, тетушка доставала еду из продуктовой коробки – яйца, смятый мешок с хлебом, масло, джем. Саншайн нависала над тетушкой, выхватывая у нее из рук пакеты. Она развернула масло, тетушка деревянной щепкой вместо ножа намазала его на хлеб, помешала воду в кастрюле, где варились яйца. Хлебная горбушка – старушке-собаке. Банни, у самой кромки волн, бросала камешки в воду. Как только очередной камешек ударился о поверхность, его поглощали пенные губы.

Они сидели у огня. Легкая струйка дыма поднималась над ним, как жертвоприношение над каменным алтарем, тетушка задумчиво смотрела, как дымок таял в небе. Банни и Саншайн прижались к Куойлу. Банни ела намазанный джемом ломтик хлеба, свернутый трубочкой, – джем выглядел из отверстия трубочки, как глазок тостера, – и наблюдала за тем, как вьется дым.

– Папа, а почему дым закручивается?

Куойл отломил кружочек хлеба, положил на него кусочек яйца и сказал:

– Вот маленький желтый цыпленок летит прямо в берлогу великана-людоеда. – Изобразив, будто маленький бутербродик, летит по воздуху, он сунул его в рот Саншайн.

---

¹⁹ Строчка из песни Гиллиан Уэлч – американской певицы, автора-исполнителя, чей музыкальный стиль сочетает блюграсс, кантри и фолк.

Дети снова принялись бегать вокруг дома, перепрыгивая через ржавые тросы, крепившие его к скале.

– Папа, – запыхавшись, спросила Банни, стуча друг о друга камешками, которые держала в руках, – а Петал больше с нами жить не будет?

Куойл опешил. Он уже объяснял девочкам, что Петал ушла, что она заснула и никогда не проснется. Скрывая собственное горе, он вслух читал девочкам из книги, которую дал хозяин похоронного бюро, – «Как объяснить ребенку уход любимого человека».

– Нет, Банни. Она заснула. Теперь она на небесах. Помнишь, я вам говорил?

Оберегая детей, он не взял их на похороны и никогда не произносил при них слово «умерла».

– И она никогда не сможет проснуться?

– Она уснула навсегда и никогда не сможет проснуться.

– Ты плакал, папа. Прислонился головой к холодильнику и плакал.

– Да, – ответил Куойл.

– А я не плакала. Я думала, она вернется. И разрешит мне поносить свои голубые бусы.

– Нет. Она не может вернуться.

Куойл отдал в «Гудвил»²⁰ не только голубые бусы, но и кучу цепочек и ожерелий, охапки одежды, ярко-пестрой, как горсть самоцветов, дурацкую вельветовую кепочку, расшитую стразами, желтые лосины, шубу из искусственной рыжей лисы и даже полупустые флаконы «Трезора»²¹.

– Если бы я заснула, я бы проснулась, – сказала Банни, встала и удалилась за дом.

Там она стояла одна; чахлые деревца жались к подножию скалы. Запах смолы и соли. За домом – уступ. Из расщелины бежал к морю пресный ручеек. Эта, несолнечная, сторона дома была все того же противного зеленого цвета. Девочка посмотрела вверх, ей показалось, что стены разбухли, накренились и вот-вот упадут. Она отвернулась, тукаморы шевелились, словно чьи-то ноги под одеялом. Перед ней стояла странная собака, белая, какая-то уродливая, со спутанной шерстью. Глаза поблескивали, как влажные ягоды. Собака уставилась на девочку. Черная пасть разинута, между зубами, казалось, торчали клочья жесткой щетины. А потом она исчезла, словно рассеявшийся дым.

Девочка взвизгнула, задрожала, и когда Куойл подбежал к ней, вскарабкалась на него с воплем: «Спаси меня!» Потом, вооружившись палкой, Куойл полчаса прочесывал ближайшие тукаморовые заросли, но не обнаружил ни собаки, ни следов ее присутствия. Тетушка сказала, что в старые времена, когда почтальоны ездили на собачьих упряжках или мужчины возили на таких упряжках дрова, их всегда сопровождали сторожевые псы. Быть может, с сомнением сказала она, это собака из какой-нибудь одичавшей стаи. Уоррен довольно равнодушно обнюхала все вокруг, но взять след отказалась.

– Не отходите далеко одни. Держитесь возле нас. – Тетушка посмотрела на Куойла с выражением, говорившим: ерунда, просто ребенок разнервничался.

---

²⁰ «Гудвил» – сеть американских магазинов подержанных товаров для малоимущих.

²¹ Души фирмы «Ланком».

Она обвела взглядом бухту, береговую линию, фьорды, тысячефутовые утесы, нависавшие над вязкой водой. Те же птицы по-прежнему взлетали с них, словно сигнальные ракеты, вспарывая воздух своими пронзительными криками. Горизонт начинал темнеть.

Старое семейное гнездо Куойлов, полуразрушенное, уединенное, со стенами и дверьми, словно пемзой, отшлифованными безжалостно суровой жизнью ушедших поколений. Тетушка почувствовала горячий укол в сердце. Ничто не заставит ее уехать отсюда во второй раз.

6. Среди кораблей

*Краницы готовь, сверни такелаж,
Джонни, на берег готовься.
Вот он, цветущий берег наш,
Ждет он и манит матроса.*

Старая матросская песенка

Костер догорал. Угли, похожие на кости домино, отдавали свой последний жар. Банни лежала, прижавшись к Куойлу, укрытая полкой его куртки. Саншайн, присев на корточки с другой стороны костра, складывала камешки один на другой. Куойл слышал, как она бормотала им: «Иди сюда, мой сладкий, хочешь оладушков?» Больше четырех камушков сложить ей не удавалось, пирамидка рушилась.

Тетушка что-то считала, разгибая пальцы, и обугленным прутиком ставила черточки на скале. Они не смогут жить в доме, сказал Куойл, может быть, еще долго. Они смогут жить в нем, возразила тетушка, делая выпад словом «смогут», словно рапирой, хотя это будет нелегко. Даже если бы дом был как новенький, сказал Куойл, он не сможет каждый день ездить на работу и обратно по этой дороге. Первая ее часть чудовищна.

– Купи лодку, – мечтательно сказала тетушка, будто речь шла о торговой шхуне. – С лодкой дорога тебе будет не нужна.

– А в шторм? А зимой? – Куойл сам слышал, как по-идиотски звучит его голос. Он не хотел никакой лодки, его пугала мысль о воде. Было стыдно, что он не умел плавать, что так и не смог научиться.

– На Ньюфаундленде такие штормы, чтобы нельзя было переплыть бухту, редки, – сказала тетушка. – А для зимы есть снегоход. – Она продолжала чертить прутиком на скале.

– И все же дорога могла бы быть и получше, – сказал Куойл, представляя себе, как бурлящий кофе льется из носика кофеварки в чашку.

– Ну, учитывая, что некоторое время – может, месяца два-три – в доме мы жить действительно не сможем, – сказала тетушка, – нужно найти съемное жилье в Якорном когте, недалеко от твоей работы. Пока не починим дом. Давай съездим туда сегодня днем, снимем два номера в мотеле и поищем подходящее пристанище. А заодно найдем плотников, чтобы начать здесь ремонт. Нам понадобится няня или детский сад для девочек. У меня, как ты знаешь, – своя работа. Нужно найти рабочее помещение и приступать к делу. Ветер усиливается.

Из тлеющих углей фонтаном взметнулись искры.

– А что у тебя за работа, тетушка? Мне очень неловко, но я так и не знаю. То есть я даже не удосужился поинтересоваться.

Надышавшись горем, как сернистым газом, он совершил промах, когда пустился в невестинское путешествие, не ведая, что их ждет впереди. Надеялся, что скоро начнет поступать кислород.

– Это вполне понятно в сложившихся обстоятельствах, – ответила тетушка. – Обивка мебели. – Она показала свои пожелтевшие мозолистые пальцы. – Инструменты и ткани уже упакованы и отправлены сюда на пароходе. Прибудут на следующей неделе. Знаешь, пока мы здесь, нужно составить список работ, которые необходимо произвести. Потребуется новая крыша, надо починить дымоходы. У тебя есть бумага? – Она знала, что у него ее целый ящик.

– В багажнике машины. Схожу принесу блокнот. Нет, Банни, оставайся здесь. Грей мое место.

– Поищи там крекеры на переднем сиденье. Думаю, Банни взбодрится, если съест крекер. Девочка нахмурилась. Какая забавная мордашка, подумала тетушка. Ветер, дувший с моря, заметно крепчал. На горизонте скопились тучи, черно-белые волны напоминали унылые рулоны грубошерстного сукна.

– Итак, посмотрим, – сказала тетушка. Она подбросила в костер несколько поленьев, и языки пламени взметнулись вверх от порыва ветра. – Оконное стекло, теплоизоляция, внутренние стены придется ломать, поэтому нужны новые древесные плиты, новые двери, в том числе двойная входная, починка дымоходов и печной трубы, защита от весенних наводнений. Эти дети умеют пользоваться удобствами во дворе?

Куойлу была ненавистна мысль, что маленькие попки его дочерей будут прижиматься к стульчаку с двумя очками, а снизу будет задувать штормовой ветер. Да и своему волосатому заду он такого не желал.

– Полы на верхнем этаже придется заменить, кухонный пол кажется вполне крепким.

В конце концов Куойл заметил, что было бы дешевле построить новый дом в каком-нибудь другом месте, хоть на Ривьере. Даже с учетом страховки и того, что было у тетушки, средств им явно не хватит.

– А я думаю, уложимся. Но ты прав: вероятно, нам следует расчистить дорогу от загадочной парковки к дому. Возможно, власти провинции как-то помогут. Но может статься, что платить придется самим. Это наверняка дорого. Намного дороже, чем лодка. – Она встала, запахнула свое черное пальто и застегнула его до подбородка. – Становится и впрямь холодно, – сказала тетушка. – Гляди! – Она указала рукой: на поверхность шерстяной ткани оседали снежинки. – Пора уносить ноги. Здесь не самое лучшее место для пребывания во время метели. Уж мне ли не знать!

– В мае?! – удивился Куойл. – Тетушка, дай передохнуть.

– В любое время года, мой мальчик. Здешняя погода общим законам природы не подчиняется.

Куойл осмотрелся. Бухта померкла, словно он смотрел на нее теперь сквозь марлю. Острые снежинки кололи лицо.

– Не могу поверить, – сказал он. Но это было именно то, что ему требовалось. Буря, ураган, опасность. Трудные задачи. Изнеможение.

На обратном пути ветер едва не сбивал машину. Тьма стремительно надвигалась по мере того, как сплошные тучи заволакивали небо, крупчатый снег молотил в ветровое стекло. Шоссе уже замело. Куойл опять свернул к магазину «Ай-Джи».

– Пойду возьму кофе, – сказал он тетушке. – Тебе принести?

– Там большой дом, и перед ним – парковка.

– А, ну да. Перчаточная фабрика была. Давно закрылась.

Мужчина пододвинул ему два картонных стаканчика с отгибающимися ручками по бокам.

От резкого порыва ветра горький кофе в них задрожал.

– Погода, – сказал мужчина вслед Куойлу, уже стоявшему в дверях с мокрыми стаканчиками и старавшемуся сохранить равновесие.

Он согнулся против ветра. Небо раскололось, безумная вспышка. Вывеску над бензоколонкой – от руки разрисованный круг листового железа – сорвало, и она круглым лезвием пронеслась над магазином. Мужчина вышел на улицу, дверь вырвалась у него из рук и повисла на одной петле. Ветер швырнул Куойла на бензоколонку. В окне машины маячило испуганное лицо тетушки. Потом, изменив направление, ветер погнал на них с востока снежный буран.

Куойл с трудом открыл дверцу. Кофе он выронил по дороге.

– Ты только посмотри на это! Только посмотри! – крикнул он. – Мы не сможем проехать двадцать миль до Якорного когтя сквозь такую пургу.

– Кажется, когда ехали сюда, мы видели неподалеку мотель?

– Да, видели. Но он уже остался позади, в Проклятых берегах. – Он поводил ногтем по карте, на его руке поблескивал тающий снег. – Вот, видишь? До него обратного ходу тридцать шесть миль.

Машина сотрясалась от ветра.

– Давай поможем этому парню с дверью, – предложила тетушка. – И спросим у него. Он наверняка знает, где можно приютиться.

Куойл достал из-под сиденья молоток, и они, согнувшись, направились к магазину. Они держали дверь, пока мужчина забивал гвозди.

Он почти не смотрел на них. Размышляет о чем-то, решил Куойл, например о том, не сорвет ли крышу. Но на вопросы отвечал, перекидывая ветер: мотель «Удовольствие». Шесть миль к востоку. Третий раз за год дверь срывает. Вывеску – впервые. Все утро чувствовал, что будет снег, крикнул он им вслед, когда они уже выезжали на шоссе, и помахал рукой сквозь косо метущую пургу.

Дорога была скользкой, видимость нулевая, дальше фигурки на носу капота ничего видно не было. Все растворялось в снежных вихрях. Стрелка спидометра показывала всего пятнадцать миль, но их все равно заносило и кидало из стороны в сторону. Тетушка переносила свой центр тяжести то к одному, то к другому борту, хваталась рукой за приборную доску, широко растопырив пальцы, – словно это могло помочь держать машину в равновесии.

– Папа, нам бояться? – спросила Саншайн.

– Нет, солнышко. Это – приключение. – Он не хотел, чтобы они выросли робкими. Тетушка прыснула. Куойл посмотрел в зеркало заднего вида, встретился со взглядом желтых глаз Уоррен и подмигнул. Чтобы подбодрить и ее.

Неоновая вывеска «Мотель “Удовольствие”. Бар и ресторан» мигала, когда он заруливал на автомобильную стоянку, маневрируя между грузовиками и легковушками, дальнобойными фурами, лесовозами со сломанными рессорами, полноприводными пикапами, снегоуборочными машинами и мотосанями. Мотель был явно забит до отказа.

– Единственное, что осталось, это номер люкс и апартаменты для новобрачных, – сказал регистратор, протирая воспаленные глаза. – Пурга загнала сюда народ, к тому же сегодня очередные соревнования на вылет по метанию дротиков. Брайан Малруни, премьер-министр,

ночевал у нас в прошлом году в этом люксе, когда проезжал через наши края. Номер большой: две кровати и две кушетки, на них спали его телохранители. Сто десять долларов в сутки.

Выхода у них не оставалось. Регистратор вручил Куойлу ключ с цифрой 999 в замысловатой виньетке. Рядом со стойкой регистратора стояла корзина, полная заводных пингвинов, Куойл купил девочкам по одному. Не успели они выйти из вестибюля, как Банни уже отломала у своего крылья. По ковру тянулась мокрая дорожка следов.

Зеркальное окно номера 999 было обращено на шоссе и находилось в десяти футах от него. Пятна света от фар въезжавших на парковку автомобилей плавали по стенам комнаты, как сырые яйца в масле.

Шарообразная ручка на внутренней поверхности двери осталась в руке Куойла, и он тщательно приладил ее обратно. Надо будет взять отвертку у регистратора и закрепить ручку как следует, подумал он. Они осмотрели комнату. Одна из кроватей оказалась круглой тахтой. На ковре виднелись грязные следы от обуви.

– Тут нет платяного шкафа, – заметила тетушка. – Видимо, мистер Малруни спал в костюме.

Душ и туалет теснились в крохотной кабинке. Над умывальником, расположенным рядом с телевизором, имелся только один кран.

На месте другого зияла дыра. Провода от телевизора валялись на полу. Крышка агрегата была расплавлена, как будто на ней жгли костер.

– Ничего страшного, – зевая, сказала тетушка, – это лучше, чем спать в машине. – Она поискала выключатель и повернула его – загорелся слабенький свет, как от тлеющих углей.

Куойл первым пошел мыться. Какая-то линиялая вода ударила вбок из треснувшей лейки душа, потекла под дверь и начала впитываться в ковер. Пока холодный кран был открыт, из противопожарного разбрызгивателя капала вода. Все крючки оказались сорванными, поэтому одежду пришлось положить на крышку унитаза, откуда она соскользнула, упала на мокрый пол и осталась лежать в луже. Возле унитаза на цепочке висела Библия с рассыпающимися страницами. Только к вечеру следующего дня Куойл обнаружил, что ходит с прилепленным к спине листком из Книги Левита.

В комнате было жарко.

– Ничего удивительного, – сказала тетушка. – Взгляни на термостат.

Тот был вдавлен одной стороной в стену, словно по нему ударили бейсбольной битой.

Куойл снял телефонную трубку, в ней была мертвая тишина.

– По крайней мере, мы сможем поужинать, – сказала тетушка. – Здесь есть столовая. Скромный ужин, здоровый ночной сон – и мы будем готовы ко всему.

Столовая, набитая людьми, освещалась светом красных ламп, придававшим посетителям такой вид, будто их заживо жарили сидящими на стульях. Кофе показался Куойлу отвратительным, но за соседними столами его пили с улыбками. После часа ожидания еды в компании своих капризных детей и зевающей престарелой тетушки, с коленями, измазанными соусом тартар, Куойлу было не до улыбок. Петал бы уже перевернула стол и ушла. Петал. Она все еще была с ним, как навязчивая песенная фраза, как несколько упрямых стихотворных строчек, затверженных в детстве. Заноза все еще торчала в сердце.

– Спасибо, – пробормотал Куойл официантке, собирая булочкой соус с тарелки. Под блюдцем он оставил двухдолларовую бумажку.

Из-за дверей комнат по обе стороны от них раздавались грохот чего-то падающего и детский плач. От рева снегоуборочных машин сотрясались изображения Иисуса над кроватями. Ветер завывал в плохо подогнанных оконных рамах. Когда Куойл попытался плотно закрыть дверь изнутри, ручка снова осталась у него в ладони, и он услышал звук удара по другую сторону – это вывалилась вторая половина ручки.

– О господи, тут как на войне, – сказала Банни, глядя, как трясется внутренняя стена. Тетушка предположила, что кто-то колотит в нее обеими ногами. Отвернув покрывала, они увидели простыни, видимо, сшитые из обрывков других, разорванных. Уоррен лакала воду из унитаза.

– И все же это чуть лучше, чем спать в машине, – повторила тетушка. – И уж точно гораздо теплей.

– Папа, расскажи нам какую-нибудь историю, – попросила Банни. – Ты уже сто лет не рассказывал нам никаких историй.

Саншайн вскочила на Куойла, схватив его за рубашку, угнездилась у него на коленях и сунула палец в рот, не успев еще прижаться к его груди, чтобы услышать, как обычно, шорох его дыхания, биение сердца и урчание в животе.

– Подождите, подождите, – сказал Куойл. – Сначала – чистить зубы и умываться.

– И прочесть молитву, – добавила тетушка.

– Я не знаю никакой молитвы, – пролепетала Саншайн.

– Ну вот, теперь все в порядке, – сказал Куойл, спустя некоторое время усаживаясь на стул возле кровати. – Дайте подумать. У меня есть история про молотки и дерево.

– Нет, папа! Не надо про молотки и дерево! Расскажи добрую историю.

– О чем? – обреченно спросил Куойл, словно родник его фантазии иссяк.

– Про лося, – сказала Банни. – Про лося и дороги. Длинные дороги.

– И про собаку. Такую, как Уоррен.

– Про добрую собаку, папа. Про серую.

И Куойл начал:

– Жил-был лось, очень бедный, тощий, одинокий лось. Он жил на высоком скалистом холме, где росли только горькие листья и кусты с колючими ветками. В один прекрасный день мимо него проехала красная машина. На заднем сиденье сидела серая цыганская собака с золотой сережкой в ухе.

Ночью Банни проснулась от привидевшегося ей кошмара, она рыдала, а Куойл качал ее на руках, приговаривая: «Это просто дурной сон, детка, просто дурной сон, ничего такого на самом деле нет».

– Это все козни Старой ведьмы, – пробормотала тетушка.

Куойл продолжал качать дочку, потому что Старая ведьма знала, как добраться и до него. Каждый ночной час был, так или иначе, отмечен присутствием Петал.

Из-под кровати, где спала Уоррен, доносились какие-то злобные звуки и пакостный запах.

«Собака травит кишечными газами семью из четырех человек».

Утром – воющая пурга. Чудовищный храп из-за стены. Куойл оделся и подошел к двери. Выпавшей ручки не было. Он облазил все вокруг, заглянул под кровать, в ванную, перево-

рошил весь багаж и набитые Библиями ящики. Должно быть, одна из девочек забрала ее с собой в постель, подумал он, но, когда дети встали, ручки в их постелях не обнаружил. Он постучал в дверь, чтобы привлечь чье-нибудь внимание, но в ответ получил лишь крик из-за стены, общей с соседним номером: «А ну, затихните там, а то шас врежу!» Тетушка потрясла трубку в надежде оживить телефон. Тот был мертв. Телефонный справочник оказался 1972 года выпуска и относился к провинции Онтарио. Множество страниц из него было вырвано.

– У меня глаза болят, – сказала Банни.

У обеих девочек глаза покраснели и гноились.

Целый час, пребывая в заточении, они наблюдали за тем, как мела выюга и работали снегоуборщики, стучали в дверь и кричали, стараясь привлечь к себе внимание. Оба пластмассовых пингвина были сломаны. Куойл уже подумывал выломать дверь. Тетушка написала на наволочке: «Помогите. Мы заперты в номере 999. Телефон не работает», и вывесила наволочку в окне.

В конце концов дежурный регистратор отпер дверь. Посмотрел на них глазами, похожими на автомобильные фары, и сказал:

– Вам нужно было всего лишь нажать на тревожную кнопку. Кто-нибудь тут же к вам пришел бы. – Он указал на тумблер, расположенный под самым потолком. Протянул руку и щелкнул им. Резкий металлический лязг заполонил весь мотель, стены задрожали от ударов раздраженных постояльцев, и, казалось, весь мотель начал вибрировать. Регистратор протер глаза, словно актер на телеэкране, увидевший чудо.

Буря продолжалась и следующий день, завывал ветер, снег заносил шоссе.

– Я люблю метель, но это уж слишком, – сказала тетушка. Волосы у нее растрепались от столкновения с люстрой и закрывали одно ухо. – Если когда-нибудь выберусь из этого мотеля, буду вести примерный образ жизни, регулярно ходить в церковь, печь хлеб два раза в неделю и никогда не стану оставлять грязную посуду. И никогда не выйду из дому с голыми ногами. Только бы Господь помог мне выбраться отсюда. Я уж и забыла, как это бывает, но теперь вспомнила.

Ночью снег перешел в дождь, ветер переменял направление на южное, стал теплым и принес запах парного молока.

7. Балаболка

Обыкновенную гагу на Ньюфаундленде называют балаболкой за обычай собираться в стаи, чтобы «покрыкать по-компанейски». Название восходит к временам парусного судоходства, когда два корабля, встречаясь в море, закрепляли свои реи и команды обменивались новостями, перекрикиваясь с борта на борт. Для близкого маневрирования судно, шедшее против ветра, крепилло свой грот-рей, а судно, шедшее с подветренной стороны, – свои фока-реи. На морском жаргоне это называлось «побалаболить».

Женщина в непромокаемом плаще, держа за руку ребенка, шла по обочине дороги. Когда универсал Куойла поравнялся с ней, она уставилась на мокрую машину: незнакомец. Он чуть приподнял руку в приветствии, но она уже опустила взгляд. Плоское лицо ребенка, красные сапожки – и вот он уже проехал мимо.

Дорога, ведущая к Мучному мешку, от Якорного когтя стремительно уходила вверх, а потом, по ту сторону водораздела, ныряла вниз, к домам и немногим вытасненным на берег лодкам. Рыбья чешуя, высокие подмостки из отесанной хвойной древесины, оставшиеся от былых времен, когда здесь солили треску. Куойл проехал мимо дома, выкрашенного белой и красной красками. Сплошь заколоченные двери. Беспорядочно разбросанные сарайчики для хранения рыбы, причалы. Горбатые валуны, затянутые сетями.

Поиски редакции не составляли труда. Над входом была прибита вылинявшая от непогоды вывеска из тикового дерева. Над изображением кричащей гаги значилось: «Балаболка». Перед домом стояло два пикапа: проржавевший «Додж» новейшей модели и более старая, но сверкающая «Тойота».

Изнутри доносились крики. Кто-то рванул дверь. Мимо промчался мужчина и запрыгнул в «Тойоту». Выхлопная труба машины задрожала. Двигатель слегка поперхнулся и замолк, словно в смущении. Мужчина посмотрел на Куойла. Вышел из пикапа, подошел и протянул руку для рукопожатия. Его щеки были испещрены шрамами от угрей.

– Как видите, – сказал он, – иногда сбежать не удастся. Я Терт Кард, так называемый ответственный секретарь, редактор, литообработчик, механик, отдел рекламы, писем, заведующий распространением и уборщик снега, черт меня побери. А вы либо крупный рекламодатель, приехавший купить четыре газетных полосы для восхваления неуклюжих японских ботинок, которыми забит ваш склад, либо тот самый мистер Куойл, которого мы ждем, затаив дыхание. Так который из них? – Он говорил ворчливо, словно жаловался. Как будто дьявол когда-то давно проникся симпатией к Терту Карду и наполнил его, как вафельный рожок мороженым, нетерпеливостью и раздражительностью. Его средним инициалом была буква «З». А лицо напоминало творог, раздавленный вилкой.

– Куойл.

– Тогда пойдем, Куойл, познакомлю тебя с бандой разбойников, из которых самый ужасный – проклятый душитель Натбим. Сам мистер Джек Баггит валяется дома, и над его тощей грудью читают заклинания, чтобы выгнать из нее скопление мокроты, которой он харкает уже неделю.

Он как будто декламировал со сцены.

– Это так называемая комната новостей, – с презрительной усмешкой сообщил Кард. – А вон то – Билли Притти. – Жест, как бы указывающий на местную достопримечательность. – Наша старая акула.

Билли Притти – маленький человек, лет под восемьдесят – сидел за столом, стена у него за спиной была затянута клеенкой цвета крылышек насекомых. Лицо – словно грубо вытесано

из дерева и покрыто глубокой резьбой. Голубые глаза в раскосых глазницах, тяжелые веки. Подушки щек подпирались едва заметной косой улыбкой. Похожее на шрам углубление тянулось от носа к верхней губе. Кустистые брови, ежик волос цвета старинных часов, покрытых патиной.

Стол, который качался, когда он склонялся над ним, был завален, как прилавок на церковном базаре. Куойл увидел корзинки, деревянных бабочек, нейлоновые пинетки из лавки дешевых товаров.

– Билли Притти делает полосу местных новостей. У него сотни корреспондентов. Ему присылают по почте сокровища, как ты видишь. Люди ходят за ним толпами и заваливают разными вещами.

– Ага, – сказал Билли Притти. – Помнишь того омалора, который принес мне яйца горлицы, расписанные красивыми пейзажами? Они треснули ночью и растеклись по всему столу. Вонь здесь стояла целый год.

Он вытер пальцы о свой клетчатый свитер с заплатками на локтях, заляпанный белыми пупырышками клея и усеянный прилипшими бумажными обрезками.

– Омалор? Как залив Омалор?

– Ну да. Омалор по-нашему – здоровенный, придурковатый, неуклюжий, безмозглый, чокнутый, простак. В старые времена на той стороне залива таких было полно. – Он сделал указующий жест рукой в сторону мыса Куойлов. – Ну, вот его так и называли. – Он подмигнул Куойлу. Тот подумал: сможет ли он улыбнуться на это? Смог.

Человек возле окна слушал радио. Жирные волосы заправлены за уши. Глаза посажены близко к носу. Усы. На столе – пакет импортных фиников. Мужчина встал, чтобы пожать руку Куойлу. Угловатый. Клетчатый галстук-бабочка, крысиного цвета пуловер. Британский акцент, цедит слова сквозь расплюснутый нос.

– Натбим, – сказал он. – Натбим Арктический. – Он отсалютовал Куойлу жестом, имитировавшим приветствие персонажа какого-нибудь пожелтевшего от времени военного фильма.

– Это Би Бьюфилд Натбим, – отрекомендовал Терт Кард, – жалкий уродливый брит, выброшенный на негостеприимный берег Ньюфаундленда год тому назад и застрявший здесь. Помимо всего прочего воображает, будто он заведует отделом международных новостей. Ворует из радиоэфира что ни попадя и переписывает в своем аффектированном стиле.

– А чертов ублюдок Кард потом позволяет себе перелагать это на свой собственный безумный язык.

Натбим выуживал новости из коротковолнового приемника, который зудел, как будто страдал мигренью. Когда эфир был чист, он вещал тенором, когда при Северном сиянии появлялись электростатические помехи, рычал. Натбим, едва не лежа на столе и прижимаясь ухом к динамику, ловил подвывающие иностранные голоса и переиначивал рассказанное ими в соответствии со своим сегодняшним настроением. Ручка, регулирующая громкость звука, сломалась, и он поворачивал ее вставленным в гнездо кончиком столового ножа. В его уголке даже пахло, как в радиомастерской – пылью, разогретым металлом, деревом, электричеством, временем.

– Только затем, чтобы оградить тебя от обвинений в плагиате, старичок.

Натбим горько рассмеялся.

– Вижу, ты опять взял себя в руки, ньюфский навозный жук. – Он наклонился к Куойлу. – Да. Очень хитроумная защита от обвинений в плагиате. Каждая фраза так изобилует типографскими ошибками, что и авторы оригиналов никогда бы не узнали свои собственные тексты. Позволь мне привести несколько примеров. – Он покопался в папках и выудил потрепанный листок. – Я прочту тебе один из его бредовых перлов, просто чтобы стало ясно. Первый вариант – то, что написал я, второй – то, что появилось в газете. «Бирманские владельцы лесопилки и представители Рангунской строительной корпорации встретились во вторник в Токио,

чтобы обсудить согласованный подход к развитию рынка тропической твердой древесины, как внутреннего, так и внешнего». А вот что сделал из этого Кард: «Бурнусские лесорубы-хозяева в среду возле Токио связались с Организацией конкурентов-рейнджеров, чтобы установить наценки на трофическую древесину внутри и снаружи».

Он откинулся на спинку своего скрипучего стула и швырнул листок в корзину для бумаг.

Терт Кард почесал голову и стал изучать свои ногти.

– В конце концов, это всего лишь украденная тобой выдумка, – сказал он.

– Сейчас, Куойл, тебе это кажется забавным, ты улыбаешься, – сказал Натбим, – хотя и пытаешься спрятать улыбку, прикрыв рот ладонью, но подожди, пока он так же испоганит твой текст. Я прочел это для примера, чтобы ты знал, что тебя ждет впереди. «Фанера» превратится в «конуру», «рыбак» – в «судака», а «Ирландия» – в «Исландию». И такому человеку Джек Баггит доверил содержание нашей газеты. Ты, разумеется, спросишь – почему, как спрашивал себя и я долгими бессонными ночами. Джек считает, что опечатки Карда придают газете юмористический шарм. Он говорит, они – лучше, чем всякие там кроссворды-ребусы.

Дальний угол комнаты был огорожен барьером из древесно-стружечной плиты.

– Это кабинет Джека, – пояснил Кард. – А это – твой уголок, Куойл. – Кард сделал величественный жест. Стол, половина картотечного шкафа – его спиленную верхушку прикрывал фанерный лист, – телефонный справочник Онтарио 1983 года, вертящееся кресло с одним подлокотником. Возле стола – лампа из тех, какие можно было увидеть в гостиничных вестибюлях тридцатых годов, толстый красный провод, похожий на крысиный хвост, вилка величинной с бейсбольный мяч.

– Чем я буду заниматься? – спросил Куойл. – Что мистер Баггит намерен мне поручить?

– Ну, этого никто, кроме него самого, не знает. Он хочет, чтобы ты сидел смирно и ждал его возвращения. Сам и скажет тебе, чего он от тебя хочет. Просто приходи сюда каждое утро, в один прекрасный день он объявится и все разъяснит. Просмотри пока старые выпуски. Познакомься с «Балаболкой». Поезди вокруг, освой все четыре наши дороги. – Кард отвернулся и трудолюбиво склонился над компьютером.

– Ну, мне пора на выход, – сказал Билли Притти. – У меня интервью с парнем, который плетет браслеты-амулеты из усов лобстера на экспорт в Гаити. Я позаимствую твой пикап, Кард? У моего выпускной клапан барахлит. Жду, когда пришлют новый.

– Вечно ты ждешь запасных частей для своего драндулета. В любом случае мой сегодня плохо заводится. И заглохнуть может в любой момент.

Билли повернулся к Натбиму.

– Я сегодня на мотоцикле. Хочешь – бери, – предложил тот.

– Лучше уж я пешочком, чем ломать ноги на этой рухляди. – Билли Притти откашлялся и посмотрел на Куойла. Но тот уставился в окно. Он был здесь слишком новым человеком, чтобы участвовать в подобных перепалках.

– Ну, ладно. Я потопал. Тут всего-то каких-нибудь восемнадцать миль в один конец.

Минуту спустя они слышали, как он, изрыгая проклятия, громоздился на дребезжащий мотоцикл.

А еще полчаса спустя отбыл и Терт Кард: завел свой пикап и плавно отъехал.

– Пьянствовать поехал, – весело сообщил Натбим. – Сейчас купит очередной лотерейный билет, а потом хорошенько наберется. Заметь, что пикап у него заводится только по его команде.

Куойл улыбнулся, рука взметнулась к подбородку.

Остаток дня и остаток недели Куойл провел, листая старый телефонный справочник и читая подшивку выпусков «Балаболки».

Газета представляла собой сорокачерехстраничный таблоид, напечатанный на тонкой бумаге. Шесть колонок, скромные заголовки, тридцать шестой кегль – для сенсаций, а обычно – какой-то добротный, но незнакомый шрифт из категории «sans serif». Новостей очень мало, и устрашающее количество рекламы.

Такого количества рекламы он никогда в жизни не видел. Объявления лесенкой спускались вдоль обеих боковых сторон каждой полосы, а новости были зажаты на оставшейся между ними площади, имевшей форму вазы. Несколько топорных, в две-три строки, объявлений заполняли пустоту в середине. «Никаких платежей до января!», «Никаких предварительных оплат!», «Никаких процентов!». Видимо, эти призывы касались всего, что рекламировалось: винилового сайдинга, резиновых штемпелей, страхования жизни, фестивалей фольклорной музыки, банковского обслуживания, веревочных лестниц, сетей для подъема грузов, корабельной оснастки, прачечных услуг для судов, шлюпбалок, выступлений рок-ансамблей в Сноуболл-холле, настенных часов, дров, услуг по возврату налогов, покупки домкратов, срезанных цветов, глушителей для грузовиков, надгробных плит, бойлеров, сапожных гвоздей, щипцов для завивки волос, спортивных штанов для пробежек, снегоступов, танцев в «Моржовом плавнике» под аккомпанемент аккордеонного виртуоза Артура, подержанных снегоходов, жареных цыплят, футболок, обслуживания нефтяных вышек, газовых грилей для барбекю, венских сосисок, полетов в Гусиную бухту, специальных блюд в китайских ресторанах, перевозки сухих грузов, спецблюда ресторана «Норвежский закат» – бокала вина со свиной отбивной, – программы переподготовки для рыбаков, ремонта видеомagneтофонов, обучения операторов тяжелого оборудования, автопокрышек, ружей, канапе, замороженной кукурузы, желатина, танцев в баре «Дядюшка Демми», керосиновых ламп, починки лодочных корпусов и крышек люков, чая в пакетиках, пива, распилки древесины, механических метел, слуховых аппаратов.

Куойл прикинул, какая часть площади отдавалась рекламе. «Балаболка» наверняка делала неплохие деньги. И кто-то в ней должен был быть большим мастером по этой части.

Он спросил у Натбима:

– Рекламой занимается мистер Баггит?

– Нет. Терт Кард. Это входит в его обязанности ответственного секретаря. Хочешь верь – хочешь нет. – Усмешка сквозь усы. – И все тут не так хорошо, как кажется.

Куойл снова принялся листать газету. Поморщился, глядя на снимки разбитого автомобиля на первой полосе. Истории об изнасилованиях – три или четыре в каждом выпуске. Белые медведи на плавающих льдинах. Корабельные новости выглядели незамысловато – просто список судов, прибывших в порт. Или отплывающих.

«Голодные мужчины» – ресторанный обзор Бенни Фаджа и Адониса Колларда под двумя смазанными снимками. Лицо Фаджа казалось сделанным из грубо слепленных мясных обрезков. У Колларда кепка была низко надвинута на глаза. Куойл читал, поеживаясь.

Решаете, где бы перехватить по-быстрому? Не самое плохое место – «Треска во хмелю» Граджа. Интерьер представляет собой кабинки вдоль большого общего окна. Можно наблюдать за грузовиками, идущими по шоссе! Что мы и делали. Заказали мы «корзинку рыбных палочек», в которой было три жареные рыбные палочки, салат из сырой капусты и чипсы – все за \$ 5.70. Напитки – отдельно. Предполагалось, что в «корзинку» входит булочка, но

вместо нее нам подали ломтик хлеба. Рыбные палочки были хрустящими и вкусными. К ним можно было взять пакетик лимонного сока или соус тартар – на выбор. Мы оба выбрали соус. В заведении обслуживают также за барной стойкой.

Раздел Билли Притти «Домашняя страница» представлял собой нагромождение стихов, фотографий младенцев, описаний узоров вязанных крючком ковриков. Всегда имелаась новость, выделенная рамкой: как сделать птичий домик из оловянной банки, ножны для топора из картона, приспособление для переворачивания бекона на сковороде – из кухонных вилок. Рецепты «чертиков из пресной лепешки», «жареных буревестников», кизилового вина и бобов в патоке.

Но что, должно быть, читают прежде всего, подумал Куойл, так это раздел «Шкварки» – залпы почти клеветнических сплетен. Ее автор плел свою паутину из полицейских судебных отчетов, цитат, надерганных из писем не местных родственников, грубых намеков насчет парней, возможно, собирающихся устроить «ирландские каникулы». По сравнению со «Шкварками» меркли все колонки сплетен, какие Куойлу когда-либо доводилось читать. Под колонкой стояла подпись: Сагг-младший.

Итак, мы видим, что почтальон попал в тюрьму на 45 дней за то, что выбрасывал корреспонденцию в бухту Якорного когтя. Он сказал, что корреспонденции было слишком много и что, если люди хотели ее получать, то могли бы забирать ее сами. Очевидно, что это действительно могли бы делать только те, кто умел плавать.

В прошлый вторник бедная миссис Тадж была сбита туристом, ехавшим на шикарном седане. Она в больнице, и состояние ее не слишком хорошее. Как, по слухам, и состояние машины туриста.

Канадская королевская полиция расследует дело о случившемся ранним утром пожаре, уничтожившем завод по переработке рыбы и морепродуктов в Пинхоуле, на острове Притон; им следовало бы спросить у некоего парня, живущего в некоей бухте острова, что он думает по этому поводу.

Несчастный случай со снегоходом унес жизнь 78-летнего Рика Паффа. Мистер Пафф возвращался домой с мероприятия, которое миссис Пафф называла «попойкой до поросычьего визга», когда его снегоход провалился под лед. Мистер Пафф был известным аккордеонистом, его даже приезжала снимать университетская киногруппа. В 1970-е он отсидел четыре года за сексуальные домогательства по отношению к собственным дочерям. Бьюсь об заклад, что они тоже не слишком горюют.

Хорошая новость! По слухам, пес Кевина Мерси по кличке Свиный пропал на прошлой неделе во время схода лавины на Китайском холме.

Заокеанские газеты сообщают, что семья похищенного сицилийского бизнесмена получила по почте его отрезанное левое ухо. Приходится лишь изумляться тому, как живут эти иностранцы.

В редакционной статье, словно пена из брандспойта, изливались потоки обличений в связи с местной политической жизнью. Разглагольствования, щедро расцвеченные эпитетами. В выражениях «Балаболка» не стеснялась. Она смотрела жизни прямо в ее бегающие налитые кровью глаза. Отважная маленькая газета. У Куойла появилось тревожное чувство – как у человека, стоящего на игровой площадке и наблюдающего за игрой, правила которой ему неведомы. Ничего похожего на «Мокинбургские вести». Такое он писать не умел.

На второй понедельник утром дверь в кабинет Джека Баггита оказалась распахнутой. Внутри сидел сам Баггит с сигаретой за ухом; откинувшись на спинку деревянного стула, он время от времени произносил в телефонную трубку: «Гм-гм». Дважды махнув правой рукой, он пригласил Куойла войти.

Куойл сел на стул с расколотым спереди сиденьем, расщелина врезалась ему в бедро. Рука – мгновенно к подбородку. Из-за перегородки он слышал бормотание радиоприемника Натбима, дробь компьютерных клавиш, скрип пера Билли Притти, строчившего очередную заметку и время от времени макавшего перо в чернильницу.

Джек Баггит имел внешность, необычную для главного редактора газеты. Маленький человечек с красным лбом, ему, по разумению Куойла, могло быть от сорока пяти до девяноста пяти лет. Короткая щетина на подбородке, дряблая шея. Неровно остриженные обвисшие волосы. Пальцы охряные от непрерывного курения. На нем был комбинезон, густо покрытый рыбьей чешуей, на ногах, водруженных на стол, – резиновые сапоги с красными подошвами.

– О да! – воскликнул он пугающе громко. – О да! – и, положив трубку, зажег сигарету.

– Куойл? – Рука выстрелила вперед, Куойл пожал ее. Ощущение было такое, будто он сжал кухонную варежку-прихватку.

– Плотный туман и морось. Ну, Куойл, вот ты и в штабе «Балаболки». Теперь ты работаешь в этой газете, которая вполне процветает, и я расскажу тебе, как случилось, что я ее создал. Приступлю сразу к делу. Потому что, видишь ли, факультетов журналистики я не кончал.

Он выдул две струи дыма из уголков рта и посмотрел на потолок, как моряк смотрит на звезды.

– Чтобы выжить, моему прапрадеду пришлось дойти до каннибализма. Мы были из тех, кто основал этот самый Мучной мешок, теперь от нас осталось всего несколько семей. Баггиты рыбачили в этих водах, охотились на тюленей, занимались мореплаванием – словом, делали все, чтобы как-то поддерживать жизнь. В то время рыболовство позволяло жить неплохо. Когда я был молодым, рыбачили только во внутренних водах. У всех были свои ялики, свои сети. Чтобы найти рыбий косяк, надо было знать кое-какие хитрости. Не зря говорят: у рыбы колокольчиков на шее нет. Билли Притти был одним из тех, кто лучше всех умел находить рыбу. Знал здешние воды, как дыры на собственном матрасе. Мог перечислить все донные впадины вдоль побережья, богом клянусь.

Работать начинали с первыми петухами, из кожи вон лезли, держались на ногах сколько могли, спали урывками, работали по ночам при свете факелов, кисти рук и запястья от соли покрывались волдырями, но работа не прекращалась. Знаешь, с тех пор как я узнал способ лечения, у меня никогда больше не было волдырей. Сострижешь ногти в понедельник – и никаких волдырей. Теперь это всем известно! Знаешь, с какой скоростью ловкие руки разделявают рыбу? Нет, вижу, не знаешь. Тридцать рыбин в минуту! Тебе это, конечно, ничего не говорит. Но ты подумай. Почистить тридцать рыбин за одну минуту! Моя сестра могла это делать даже во сне.

Он помолчал, отдышался, зажег еще одну сигарету, выпустил дым.

Куойл представил себя погребенным под скользкой приливной волной тусклых тушек, пытающимся не отстать от чемпионов по чистке рыбы. Петал плыла на гребне волны в длинном платье из платиновых чешуек, с обнаженными серебрящимися руками и белым ртом.

– Это была тяжелая жизнь, но она приносила удовлетворение. Хотя, повторяю, была тяжелой. Чудовищно тяжелой в те времена. Ты еще услышишь истории, от которых поседеешь

за одну ночь. Я сам могу тебе их немало рассказать. Были тут дикие, незаконные места, где люди творили что хотели. Думаю, ты-то должен это знать, при твоей профессии. Но времена изменились. Это проклятое место перед лицом невыносимой жизни сдалось и обменяло ее на конфедерацию с Канадой, и что мы получили? Медленно, но верно мы получили правительство. О да, Джоуи Смоллвуд сказал: «Парни, вытаскивайте на берег свои лодки, жгите свои сушилки для рыбы, забудьте о рыболовстве; на Ньюфаундленде на каждого мужчину будет по две работы».

Он безрадостно рассмеялся, показав Куойлу четыре зуба, и зажег очередную сигарету.

– Я был сосунком, поверил ему. Первые лет десять со всем соглашался. Конечно, мне тоже всего этого хотелось – электричества, дорог, телефона, радио. Разумеется, я хотел медицинского обслуживания, почтовой службы, хорошего образования для детей. Кое-что из обещанного осуществилось. Но только не то, что касалось работы.

А рыболовство уже стало чахнуть, чахнуть, чахнуть и за сорок лет полностью сошло на нет; окаянное канадское правительство предоставляло права на ловлю всем странам, какие только есть на Земле, но нас из бизнеса исключило. Чертовы иностранные траулеры. Вот куда ушла вся рыба. Потом треклятый «Гринпис» стал бороться против охоты на тюленей. Ну, ладно, решил я, поняв, что рыболовством я больше зарабатывать не смогу, ладно, буду умнее, справлюсь, встроюсь в правительственный план. Поехал я в отделение Канадского управления по трудовым ресурсам в Якорном когте и сказал: «Ну, вот он я. Мне нужна работа. Что у вас есть для меня?»

А они: «А что вы умеете делать?» Я им: «Я умею рыбу ловить. Зимой работал на лесоповале». Они: «Нет-нет-нет! Рыбаки нам не нужны. Мы обучим вас какой-нибудь профессии, востребованной на рынке рабочей силы». Они, видите ли, развивали промышленность. И якобы там работа была для всех. Сначала направили меня на кожевенный завод в Тихоходной бухте. Там работало всего десять или пятнадцать человек, потому что производство еще не было запущено в полную силу. «Профессия», которой они меня обучили, состояла в том, чтобы забрасывать вонючие шкуры, привезенные из Аргентины или бог знает откуда еще, в чаны. Четыре дня я с утра до вечера этим занимался, а потом у них кончились шкуры, и новых не предвиделось, так что мы просто бездельничали или мели полы. А спустя пару месяцев их сыромятня и вовсе всплыла брюхом кверху. Так что я вернулся домой, порыбачил сколько мог, а потом снова поехал в Управление по трудовым ресурсам и сказал: «Устройте меня куда-нибудь. Мне опять работа нужна». И снова: «А что вы умеете делать?» – «Рыбу ловить, лес валить, целыми днями зашвыривать в чан шкуры, полы мести». – «Нет-нет-нет. Мы вас обучим. Индустриализация Ньюфаундленда». И послали меня в Сент-Джонс, где был большой новый завод, предназначавшийся для производства промышленного оборудования для горных работ, переработки арахиса, станков алмазного бурения и шлифовальных станков. Адское место. Огромное. Никогда ничего подобного не видел. Завод на пять миллионов долларов. Но там не было людей. Ну, приехал я туда, получил комнату на пару с каким-то чокнутым, от которого воняло, стал ждать. Я почти умирал с голоду, питался на четвертак в день, если удавалось на это что-нибудь купить, и все ждал, когда же откроется этот проклятый завод. Но он, сукин сын, так и не открылся. И не произвел ни единого станка. Таким образом, я снова вернулся домой и прорыбачил еще один сезон.

Осенью опять являюсь в управление и говорю: «Слушайте, это уже не смешно. Мне нужна работа». В то время я еще верил, что они со своей индустриализацией мне все-таки что-нибудь подыщут. «Ну, понимаете, Джек, срывы бывают в любом деле. Но мы ищем для вас работу. Собираемся направить вас в Хайфенвилль на Третий бумажный комбинат, будете делать картонную тару». В этом сумасшедшем доме я протрубил три месяца. Потом и он закрылся. После этого мне сказали, что я, с моим опытом, могу получить хорошую работу либо на нефтеперерабатывающем заводе в Птичьем крыле, либо на электростанции в Райском

водопаде. Нефтезавод еще не запущен, сказали они, поэтому помогли мне заполнить заявление длиной в две мили о приеме на электростанцию и велели возвращаться домой и ждать письма из Райского водопада. Жду до сих пор. Да, они затеяли хорошее дело, согласен, но рабочих мест слишком мало. Итак, я снова остался дома и, как мог, рыбачил. Трудное было время. Моя жена заболела, мы едва сводили концы с концами. Самое плохое время. Мы потеряли старшего сына. Словом, поехал я снова.

«Послушайте, ребята, – сказал я, – жить не на что. Мне нужна работа». Они ответили, что у них для меня есть идеальное предложение. Оно ждало, мол, меня все эти трудные годы. И находится оно прямо напротив бухты Чокнутых. Перчаточная фабрика! Вот здесь, рядом, прямо возле твоего дома на мысу, Куойл. Там собирались шить кожаные перчатки. Их послушать, так правительство построило это заведение специально для меня. Сказали, что я как никто подхожу для него, поскольку имею опыт работы на кожевенном предприятии. Я же практически специалист кожевенного дела! Вероятно, я даже получу должность мастера! Ну, мог ли я не обрадоваться? Запустили паром. В первый же день на нем собралась огромная толпа людей, ехавших на работу. И ты поверишь – приехали мы, вошли внутрь, а там симпатичный кафетерий, огромные чаны из нержавеющей стали, швейные машинки, раскройные столы и теперь куча народу, готового приступить к работе. Не было там только двух вещей: кожи и кого-нибудь, кто знал, как шить перчатки. Забавно, но кожа для перчаток должна была поступать с того самого кожевенного завода, где я работал несколькими годами раньше. А он ведь закрылся, но никто не сообщил об этом ни тем, кто строил перчаточную фабрику, ни Канадскому управлению по трудовым ресурсам. Так-то.

И вот возвращаюсь я домой на пароме, который совершает свой второй, и последний рейс, и думаю, думаю... Знай я, что на этой фабрике нет кожи, я бы не потратил зря время на поездку. А как люди узнают то, что им нужно? Читают в газетах! Здесь местной газеты не было. Привозили из Сент-Джонса только правительственный рупор «Морской лев». Я ничего не знал про газетное дело, едва мог толком составить складную фразу – в школе дошел только до «Тома и его собаки», – но подумал: если они могли запустить перчаточную фабрику без кожи и без людей, знающих, как шить перчатки, я тоже смогу запустить газету.

Итак, я отправился в Управление по трудовым ресурсам и заявил: «Хочу основать газету. Вы, ребята, можете мне помочь?»

«Сколько сотрудников вы собираетесь нанять?» – спросили они. И я, недолго думая, ответил: «Пятьдесят. Когда дело пойдет. Конечно, нужно еще подучиться. Приобрести навыки». Они клюнули. Мне выдали целый ящик каких-то бланков, которые я должен был заполнить. Вот тут-то и начались мои трудности. Тогда я уговорил Билли Притти бросить рыбалку и пойти ко мне на службу. У него красивый почерк, а читает он – как правительственный чиновник. И у нас получилось.

Меня послали в Торонто поучиться газетному делу. Дали денег. Черт, попоколичивался я в Торонто четыре или пять недель, послушал их бред про редакционную политику, про честность, про новый журнализм, репортерскую этику, служение обществу. У меня от всего этого голова шла кругом. Я не понимал половины того, что они говорили. Все, что действительно нужно, я научился в конце концов здесь, в своей лавке. Я руковожу «Балаболкой» уже семь лет, довел тираж до тринадцати тысяч, и каждый год он увеличивается. Подписка идет по всему побережью. Потому что я знаю, что люди хотят видеть в газете. И это не обсуждается!

Первым я нанял Билли Притти, потом Терта Карда. Хорошие парни. Там, в Торонто, половину штата составляли женщины, болтавшие без умолку, хохотавшие и заглядывавшиеся на мужчин. А те, в свою очередь, заглядывались на них. О работе и речи не было. Билли знает все, что требуется знать, чтобы писать для женщин. Он старый холостяк и чертовски хорошо готовит. Моя жена, миссис Баггит, всегда просматривает его рецепты, на всякий случай. Я

знаю, чего хотят и чего ждут мои читатели, и даю им это. И тут все делается так, как я скажу. Не будешь морочить мне голову какими-то там принципами журналистики – поладим.

Он замолчал, чтобы прикурить очередную сигарету, и посмотрел на Куойла. У того занемели ноги, он медленно кивал, прикрывая подбородок ладонью.

– Хорошо, мистер Баггит. Я буду стараться.

– Называй меня Джеком. Закон в этой газете такой: правлю балом здесь я. Я капитан на этом корабле. Билли Притти ведет «Домашнюю страницу», пишет «Шкварки» – только никому не говори, что Сагг-младший – это он, – занимается местными новостями, органами управления и образованием. В Канаде органов управления больше, чем в любой другой стране мира. Почти половина населения работает на правительственные учреждения, которые руководят второй половиной. А у нас тут, на местном уровне, по всему побережью чуть ли не каждую минуту проходят какие-нибудь собрания. Билли освещает также и кое-что из криминальной хроники. Ее стало больше, чем было. Видишь ли, то, что раньше называли забавами и весельем, теперь считается вандализмом и разбоем. Билли Притти здесь с самого основания «Балаболки».

– В «Мокингбургских вестях» я освещал муниципальные новости, – проквашал Куойл – у него перехватило горло.

– Я тебе только что сказал, что этим занимается Билли Притти. Теперь Натбим. Этот ведает зарубежными, региональными и общенациональными новостями, которые выуживает из радиоприемника и переделывает. В его ведении также преступления на сексуальной почве. Он едва справляется. У нас каждую неделю по две-три таких новости, одна крупная, на первой полосе, остальные внутри. Еще он освещает спортивную жизнь, делает подверстки и ведает сенсациями, правда, сенсаций у нас бывает не так уж много. Он работает в газете месяцев семь или восемь. И не могу сказать, что он идеальный сотрудник. В любом случае он временный. Ты это слышишь, Натбим?

– А то, – из-за перегородки.

– Терт Кард замещает меня, когда я отсутствую, он ответственный секретарь и много еще кто. Раздает задания, верстает, выклеивает, отвозит макет в типографию в бухту Миски, делает стилистическую правку, занимается почтой, распространением, если остается время, пишет на местные темы. Работает здесь года два. Я слышу кучу жалоб на его опечатки, но забавные опечатки – особенность «Балаболки». Он также заведует рекламой. Обо всем, что касается рыболовства, я хочу узнавать первым. Это дело я знаю досконально, поскольку до сих пор им занимаюсь.

А теперь – что я хочу от тебя. Я хочу, чтобы ты освещал местные автоаварии: писал о них и делал снимки. Мы каждую неделю помещаем на первой полосе крупную фотографию с места аварии, независимо от того, была она или нет. Это наше золотое правило. Никаких исключений. У Терта есть огромная папка с такими фотографиями. Если новая авария не случается, мы залезаем в эту папку. Но обычно парочка свежих снимков имеется. Участники «чемпионатов по бражничеству» нам их обеспечивают. Терт покажет тебе, где лежит камера. Ты будешь сдавать ему пленку. Он ее дома будет проявлять.

Ну, и корабельные истории. Возьми список у начальника порта: какие корабли прибывают в Якорный коготь, какие отплывают. Их с каждым годом все больше. У меня есть сообщения на этот счет. Но это мы обсудим по ходу дела. Подумай, что ты можешь предложить в этом смысле.

– Как я уже говорил по телефону, – напомнил Куойл, – у меня нет опыта по корабельной части.

Автокатастрофы! Он был ошеломлен перспективой иметь дело с кровью и умирающими людьми.

– Ну, ты можешь либо поставить об этом в известность своих читателей, либо работать как вол, чтобы чему-то научиться. У тебя-то корабли должны быть в крови. Поработай над этим. И делай то, что скажет Терт Кард.

Куойл принужденно улыбнулся и встал. Он уже взялся за ручку двери, когда Джек Баггит снова заговорил:

– Еще одно. Я не потерплю никаких шуток насчет Ньюфаундленда и ньюфаундлендцев – и это не шутка, Куойл. Запомни это. Я ненавижу, когда насмеются над ньюфами.

Куойл вышел из кабинета. Автокатастрофы. Он уставился на потрепанные телефонные справочники.

– Куойл, – шепотом произнес Натбим. – Эй, Куойл, ты же не раскиснешь и не сбежишь в Штаты, правда? Мы на тебя рассчитываем, Куойл. Мы окружим тебя культом карго²².

Джек Баггит высунул голову из-за своей стеклянной двери.

– Билли! У Элвис щенки еще не родились?

– Да, родились, на прошлой неделе. Три штуки. Все черные с белыми носочками на лапах.

– Я хочу взять одного.

Дверь снова захлопнулась.

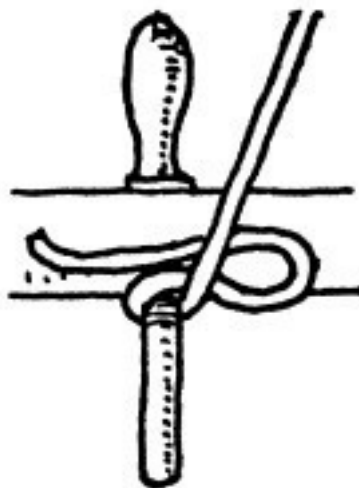
---

²² Культ карго, или культ даров небесных – термин, которым называют группу религиозных движений Меланезии. Особое распространение они получили во время и после Второй мировой войны. Его адепты верят, что западные товары созданы духами предков и предназначены для меланезийского народа, они строят из кокосовых пальм макеты аэропортов, веря в то, что эти постройки привлекут транспортные самолеты, заполненные грузами.

8. Затяжной узел

На больших судах этот узел применяется редко, но на маленьких лодках, особенно открытых, которые легко переворачиваются, часто возникает необходимость быстро отдать швартов, и тогда затяжной узел незаменим.

Книга узлов Эшли

– Не думаю, что справлюсь с этой работой, – сказал Куойл, который заглотил две кружки пива и пакет залежалого попкорна в гостинице «Морской якорь» в Якорном когте, размышляя, не совершил ли он ту же ошибку, что пассажир, севший не на свой самолет, который, не успев взлететь, рухнул на взлетную полосу.

Тетушка подняла голову. Она сидела на круглой тахте и со скоростью вязальной машины орудовала спицами в облаке ангоры; Уоррен тихо пристроилась у ее ног, у нее двигались только глаза в покрасневших веках. Банни со следами слез на щеках – в кресле с распотрошенной подушкой. Кресло было обращено в угол комнаты. Саншайн подбежала к Куойлу, вопя:

– Папа, она меня укусила! Банни укусила меня в ногу. – Она продемонстрировала Куойлу след от двух полукружий зубов на бедре.

– Она первая начала! – закричала Банни, глядя угрюмо, как Бетховен на портрете.

– Ты вонючая кусачая дрянь! – истошно завопила Саншайн.

– Ради бога, замолчите обе, – сказала тетушка. – Племянник, нам нужно что-то делать. Этим детям нужно куда-то ходить. Там, дома, будь у нас знакомый укротитель львов, мы могли бы заставить их полоть картошку и мести полы, мыть посуду и окна, вместо того чтобы царапать и кусать друг друга. А здесь они сидят взаперти. И Уоррен полужива оттого, что не двигается.

– А знаешь что, папа? – сказала Саншайн. – Уоррен вырвало у тебя под кроватью.

– Ей не по себе, это определенно, – пробормотала тетушка. – Так что ты сказал насчет своей работы? – раздраженно спросила она.

– Я сказал, что, скорее всего, не справлюсь с ней. В этой газете все не так, как я привык. Главный редактор не совсем нормальный. Джек Баггит. Я еще не знаю ни этой местности, ни людей, а он хочет, чтобы я освещал автокатастрофы. Я не могу освещать автокатастрофы. Ты знаешь почему. Мне они будут напоминать о случившемся. Автомобильные аварии. Корабли.

И я сомневаюсь, что нам удастся переехать в свой дом. Мой универсал на здешних дорогах и недели не протянет. На чем я буду ездить на работу и обратно? Полагаю, мы могли бы купить полноприводный пикап с мощными амортизаторами, но все равно на дорогу будут уходить многие часы. Как насчет того, чтобы снять какое-нибудь жилье здесь, в Якорном когте?

Тетушка свирепо зашевелила спицами. Шерстяная нить задержалась у нее между пальцами.

– Разумеется, ты справишься с работой. А если свои ужасные воспоминания нельзя обойти или забыть, надо повернуться к ним лицом. Чем быстрее ты их преодолеешь, тем скорее скажешь себе: «Да, это случилось, и я ничего не могу изменить», и тем скорее наладишь свою жизнь. Тебе ведь детей растить. Так что ты обязан справиться. Когда понимаешь, что другого выбора нет, как-то справляешься со всем. Даже с самым плохим.

«Ну конечно, все преодолимо», – думал Куойл. Грошова философия. Тетушка ведь не знает, через что ему пришлось пройти. И все еще приходится.

– Послушай, я целую неделю таскалась сама и таскала за собой детей по всему Якорному когтю в такси Тома Рока, искала хоть что-нибудь – дом, квартиру, пусть даже пару комнат. Мне ведь надо начинать работать. Я говорю об этом каждый вечер. Но твои мысли витают где-то в другом месте. – «Интересно, сколько можно убиваться по мертвой женщине?» – подумала она. – Мы все должны собраться с духом и пустить здесь корни.

– Ты права, тетушка. Мне очень жаль, что тебе одной приходится заниматься поисками.

Он понимал, что теперь он здесь и возвращаться ему не к чему.

– Только вот не больно-то я в них преуспела. У старушки миссис Спек есть маленькая темная комната. Местные власти велели ей постелить чистое белье и прибить вывеску «Бед-энд-брекфаст»²³. Там еще хуже, чем в этой конуре, хотя дешевле. Но эта комната только для одного человека. Похоже, в Якорном когте с жильем туговато. Наблюдается бум. – Ее речь все убыстрялась, словно она торопилась поспевать за своими спицами. – Я уже говорила: нам нужна лодка. Бухту можно переплыть за полчаса. Глупо выбрасывать деньги на ветер, снимая жилье, когда у нас совсем рядом есть старый родовой дом, который надо лишь отремонтировать. Я сегодня разговаривала с плотником. Дэннис Баггит, живет в Якорном когте. Работы у него немного. Говорит, что может приступить сразу же. Его жена согласилась завтра присмотреть за девочками, а я съезжу с Дэннисом в дом. Мы прикинем, что сколько будет стоить и что понадобится. Жену зовут Бити. Она подумывает о том, чтобы открыть дневной домашний детский сад. Это лучшая новость с тех пор, как мы сюда приехали. Эти двое – кивок в сторону детей, – могли бы стать первыми и самыми лучшими ее клиентками.

Банни пнула ногой стену и захныкала.

Единственным словом из тетушкиной речи, которое дошло до Куойла, было слово «лодка».

– Тетушка, я никогда не имел дела с лодками. Они дороги. Неудобны. Опасны. Для них нужен сарай или еще что-то. Я не хочу лодку.

– Честнее было бы сказать: боюсь. Ну что ж, если ты хочешь оставаться здесь за сто с лишним долларов в день... Это, кстати, двухдневный заработок плотника. – Пролаяла. Глаза горят.

Куойл стал нажимать на кнопки телевизора, забыв, что тот не подает признаков жизни.

– Он не работает, папа, – всхлипнула Саншайн.

– Ненавижу это место! – Банни колотила в стенку своими ободранными туфлями. – Хочу плавать на лодке. Хочу починить зеленый дом, в котором родилась тетушка, и чтобы у меня была своя комната. Папа, я буду подметать в ней пол, если мы переедем. Все буду делать.

---

²³ Bed and breakfast, B&B (англ. – «постель и завтрак») – вид мини-гостиницы, где постояльцам предлагаются только ночлег и завтрак.

– Давайте пойдем поужинаем, – пробормотал Куойл. – Я не могу решить этот вопрос вот так с ходу.

– Столовая сегодня закрыта. Там отмечают окончание чемпионата по кёрлингу. Нам оставили уху, но за ней надо идти самим и есть ее у себя в комнате.

– Я мяса хочу, – сказала Банни. – Хочу мясную уху.

– Очень жаль, – свирепо сказала тетушка, – но такого блюда в меню нет.

А про себя добавила: «Ешь рыбу или умри».

Терт Кард в красной рубашке с белым галстуком висел на телефоне, Билли Притти говорил по другой линии; давясь смехом, он с трудом выговаривал фразы, которых Куойл не понимал, это был почти иностранный язык. Снаружи барабанил дождь, поверхность воды в бухте пузырилась. В углу ревел газовый обогреватель.

Куойл посмотрел на Натбима.

– Человек по имени Дэннис Баггит имеет отношение к Джеку? Плотник. Тетушка говорила с ним насчет ремонта нашего старого дома. Нам нужно что-то делать. Мы больше не можем оставаться в проклятом мотеле. Дорога до мыса жуткая, а в Якорном когте невозможно снять жилье. Ума не приложу, что нам делать. А что касается лодки, то я скорее вернусь в Штаты, чем куплю ее.

Натбим сделал вид, что у него отвалилась челюсть, и, подняв руки в притворном ужасе, произнес:

– Ты не любишь лодки? А знаешь, иногда они доставляют удовольствие. И бывают очень полезны в месте, состоящем сплошь из береговой линии и пещер и почти не имеющем дорог. Именно так я здесь и оказался – из-за моей лодки. «Бармаглот». Я ее так назвал, потому что она была чуточку... неповоротлива. – Скачущая Натбимова речь. Театральная, как у уличного оратора-демагога, вроде бы актуальная в момент произнесения, но полностью вылетающая из головы на следующее утро, когда оратор уже на пути в свой следующий пункт.

Блокнот Куойла стоял прислоненным к чайной чашке, в механическую пишущую машинку был заправлен лист с незаконченным абзацем текста о дорожном происшествии с грузовиком. Все остальные в редакции имели компьютеры.

– У тебя компьютер будет, когда я тебе его дам, – сказал Джек Баггит. Впрочем, беззлбно.

– Дэннис – младший сын Джека, – обернувшись к ним, сказал Терт Кард, который все слышал; через комнату до них донеслось его несвежее дыхание. – Он не ладит со стариком. Когда-то был для него светом в окошке, особенно после того, как они потеряли беднягу Джессона, но теперь не так. Кто знает, может, Джеку и не понравится, что Дэннис будет на тебя работать. А может, и ничего.

Телефон заверещал, как игрушечный свисток.

– А вот и он, – сказал Кард, который всегда знал, кто звонит, и поднял трубку.

– «Балаболка». Угу, да. Понял вас, капитан. – Повесив трубку, он резко отодвинул стул и посмотрел в окно на покрытое рябью море. Засмеялся. – Билли! Догадайся, в чем дело. Он сидит дома, у него уши болят. Сказал: «Вы не увидите меня до завтра или послезавтра».

– А я думал, на сей раз будет перелом ребра, – сказал Натбим. – Больные уши – это что-то новое. Этого еще не было.

Телефон зазвонил снова.

– «Балаболка». Ага, да-да. Какой номер дома? Не кладите трубку. Натбим, станция Маркуса Ирвинга в бухте Четырех Рук горит. Возьмешься?

– А почему бы тебе не купить лодку, Куойл? – крикнул из своего угла Билли Притти. У него на столе стояли две корзинки для грязного белья: одна из прессованной пластмассы, другая – лыковая, ручного плетения.

Куойл притворился, что не услышал. Но проигнорировать Натбима, сидевшего за соседним столом, он не мог, а тот, отодвинув свой радиоприемник, взволнованно посмотрел на Куойла. Его лицо сморщилось, пальцы барабанили по столу, выбивая ритм, напоминавший ему о пребывании в Баие²⁴, где он был очарован афоше²⁵ и блоко афрос²⁶ – музыкой барабанов и металлических воронок, украшенных блестками тарелок, заикающихся тамбуринов с колокольчиками. Натбим был подвержен влиянию лунных циклов. Было в нем что-то от оборотня. В полнолуние он испытывал невероятный подъем, болтал без умолку, пока не пересыхало во рту, освобождался от избытка энергии танцами и драками в «Звездном свете», после чего медленно впадал в созерцательное состояние.

До Баии, рассказывал Натбим, он обрелся в окрестностях Ресифи²⁷, работал на занимавшегося контрабандой рома бывшего сотрудника лондонской «Таймс», который издавал четырехстраничную газетенку на мешанине языков.

– Вот там-то мне впервые и пришла идея купить лодку, – продолжал Натбим, выбирая финик из пакета у себя на столе. – Думаю, дело в том, что я жил на побережье, каждый день смотрел на воду, на лодки и на жангады – это такие удивительно маленькие рыбацкие «плавсредства»: просто плотик из полудюжины хилых бревен – скорее всего бальсы²⁸, – скрепленных деревянными шпонами и связанных лыком. Их гонит ветер, а управляются они одним веслом. Когда-то все в мире строилось с помощью веревок и узлов, гибких, податливых, пока в него не вторглась грубая сила гвоздей и шурупов. Знаешь, издали кажется, что рыбаки стоят прямо на воде. В сущности, так оно и есть. Вода накатывает на плотик и омывает им ноги. – Он встал и, задрав голову, принялся мерить шагами комнату.

– Вот именно так были сделаны и коматики, эскимосские нарты, – вклинился Билли. – В них не было ни единого гвоздя. Все связано сухожилиями и ремнями из сыромятной кожи. Натбим проигнорировал вторжение.

– Мне нравилось, как выглядят лодки, но я ничего не предпринимал. После разрыва с этим мутным типом, пьяницей из «Таймс», который только и делал, что валялся на своем водяном матрасе, играл на расческе и пил черный ром, я полетел в Хьюстон, Техас. Почему – не спрашивай, и купил туристический велосипед. Не мопед, а велосипед. Пришлось крутить педали до самого Лос-Анджелеса. Вот уж действительно «самое ужасное путешествие», какое только можно вообразить. Эпли Черри-Гаррарду вместе со Скоттом на их Южном полюсе такое и не снилось²⁹. Мне пришлось претерпеть песчаные бури, жуткую, смертельную жару, жажду, леденящие ветры, грузовики, которые пытались меня сбить, механические поломки, холодные штормовые ветра с ледяными дождями, ливни с наводнениями, волков, шутников – владельцев ранчо в их одномоторных аэропланах, которые норовили сбросить на меня мучные бомбы. И знаешь, Куойл, единственное, что заставило меня через все это пройти, была мысль о

²⁴ Баия – один из 26 штатов Бразилии, расположенный на востоке страны на побережье Атлантического океана.

²⁵ Афоше – танец бразильцев африканского происхождения, в котором они выражают свои воспоминания о родине и своей культуре.

²⁶ Блоко афрос – современные афробайские карнавальные объединения и барабанные группы.

²⁷ Ресифи – город и муниципалитет в Бразилии, столица штата Пернамбуку.

²⁸ Бальса – род деревьев семейства мальвовых, произрастающий в Южной Америке, источник ценной древесины, мягкой и легкой.

²⁹ Документальная книга Эпли Джорджа Беннета Черри-Гаррарда «Самое ужасное путешествие» повествует о трагической истории экспедиции англичанина Роберта Скотта к Южному полюсу (1912 г.).

маленькой лодке – мирном славном паруснике, скользящем по прохладной холодной воде. Она вызревала во мне с каждым днем. Я поклялся: если когда-нибудь мне суждено слезть с этого чертова велосипедного седла, которое к тому времени приварилось к моей растрескавшейся заднице, если когда-нибудь я отделаюсь от этого проклятого драндулета, я поеду к морю и останусь там навсегда.

Снова зазвонил телефон.

– «Балаболка». Ага. Да, Джек, он тут. Нет, Натбим только что уехал на пожар. Станция Маркуса Ирвинга. Бухта Четырех Рук. Не знаю, мне просто дали номер дома. Угу. О'кей. Как только вернется. Куойл, это снова Джек. Тебя.

– Что ты написал за эту неделю? – Слова, словно пули, выстреливали из трубки прямо в ухо.

– Э-э. Про аварию с грузовиком. Только что закончил.

– И что была за авария?

– Полуприцеп потерял управление на повороте, скатился в бухту Отчаяния и перевернулся. Был загружен автосанями. Половина их свалилась в воду, и все лодки, какие имелись в бухте, принялись вытаскивать их баграми. Водитель успел выскочить. Никто не пострадал.

– Не забывай про корабельные новости. – В трубке воцарилась мертвая тишина.

– Натбим! Тебе лучше поспешить на этот пожар, пока он не погас, а то не сможешь сделать ни одного эффектного снимка пляшущих языков пламени. И камеру не забудь. Она может понадобиться, если захочешь что-нибудь сфотографировать. – Не слишком тонкий сарказм.

– Почему бы тебе не купить симпатичную маленькую родни?³⁰ – сказал Билли Притти. – Сейчас как раз можно присмотреть то, что надо. Сможешь по выходным ловить бычков на блесну, а туристы будут тебя фотографировать. Ты будешь отлично смотреться в лодке.

Но Натбим еще не был готов уйти.

– Так вот, Куойл, вернулся я обратно в Лондон, снова жил впроголодь. Хорошо хоть, моя коллекция магнитофонных записей сохранилась в целости. Но я знал, что должен купить лодку. Я был в отчаянии. Ты можешь подумать, что «лодка» и «вода» две части одного уравнения. Ничего подобного. Уравнение состоит из «денег» и «лодки». Вода, в сущности, не обязательна. Вот почему можно увидеть столько лодок на задних дворах домов. Не имея денег, я, повторяю, был в отчаянии. Целый год я читал книги о лодках и морях. Начал ошиваться вокруг лодочных мастерских. В одной из них двое молодых парней строили гребную лодку. Похоже, они уделяли большое внимание проектированию. Мне всегда нравилось проектировать, и тут меня осенило. В один миг. Я сам построю лодку. И переплыву на ней через Атлантику.

– Натбим! – взревел Кард.

– А ты лучше поучись писать слово «птеродактиль», – огрызнулся Натбим, схватил куртку, шотландский берет и громко хлопнул дверью.

– Господи, он же забыл камеру. Куойл, Джек велел мне напомнить тебе о корабельных новостях. Езжай-ка ты в контору начальника порта и сделай список судов. В нем должны быть названия, дата прибытия или убытия и порт приписки. По телефону тебе никто его диктовать не будет. Придется скатать за ним самому.

– Я как раз собирался туда сегодня, – сказал Куойл. – Но могу сделать это прямо сейчас. Где находится контора начальника порта?

– Рядом с береговой базой снабжения, у общественной пристани. На верхнем этаже.

Куойл встал, надел куртку. По крайней мере, это не авария с битым стеклом, капающими жидкостями и ребятами из «Скорой помощи», пытающимися вдохнуть жизнь в искореженные рты.

---

³⁰ «Родни» на Ньюфаундленде называют маленькую лодку с выпуклым дном и квадратной кормой, которая используется главным образом как посыльное судно.

9. Причальный узел

Достоинство этого узла состоит в том, что, плотно завязанный, он не соскальзывает вниз. Любой, кому доводилось оказаться в верхней точке прилива после тяжелого дня рыбной ловли, с носовым фалинем, привязанным к швартовому палу на четыре-пять футов ниже отметки высокой воды, должен овладеть навыком вязки этого узла.

Книга узлов Эшли

Он пробивался между грохочущими автопогрузчиками и лебедками по Причальной дороге. Лодки под дождем были словно покрыты лаком. Далеко впереди он видел черный прибрежный паром с красными поручнями, принимавший на борт автомобили, и плавучий госпиталь «Лабрадор». У правительственной пристани – оранжевый борт поисково-спасательного катера. Траулер, входящий в док рыбоперерабатывающего завода.

Причальная дорога была вымощена изрядно стершимся голубоватым камнем, привезенным из каких-то дальних краев в качестве балласта. Над Мариной стоял запах нефти, рыбы и грязной воды. За притонами и барами – несколько продуктовых складов. В одном из окон Куойл заметил гигантскую пирамиду упаковок с финиками – такими же, как те, что любил Натбим: на этикетке с красными верблюдами и падающими звездами значилось – «Китайские финики ююба».

Контора начальника порта находилась на самом вершине скрипевшей песком деревянной лестницы. Дидди Шовел, начальник порта, наблюдал в окно, как желтый дожdevик Куойла возникает из универсала, как Куойл роняет свой блокнот на мокрые булыжники. «Большой, но неуклюжий», – мысленно припечатал он. Шовел когда-то славился недюжинной физической силой. В двадцатилетнем возрасте он создал забавное братство под названием «Клуб пальца». Семью его членами были мужчины, способные повиснуть на балке в погребке Эдди Бланта на одном мизинце. Мужчины в те времена были сильными. По мере того как становился старше, он дополнял, а потом и заменил физическую силу зычным голосом. Теперь Шовел был единственным оставшимся в живых членом «Клуба пальца». Он часто возвращался мыслями к тем временам.

Минуту спустя Куойл открыл дверь и через окно в двенадцать футов высотой – настоящую стеклянную стену – сквозь пелену косо моросящего дождя увидел на ближнем плане гавань, общественные причалы и доки, а за ними – мрачную бухту, почти стертую ластиком тумана.

Скрип. Деревянное вертящееся кресло крутанулось, и страшноватое лицо начальника порта уставилось на Куойла.

– Видел бы ты это во время шторма, когда огромные тучи скатываются со склонов гор. Или во время заката, похожего на пылающую стаю птиц. Это самый потрясающий вид из окна на всем Ньюфаундленде. – Голос был гулкий, как крик в пещере.

– Могу себе представить, – сказал Куйол. С его плаща капало на пол. Он нашел крючок для одежды в углу.

Кожа у Дидди Шовела была растрескавшаяся и морщинистая, как асфальт, загрубевшая от вечной непогоды, жизнь оставила на ней свои следы. Сквозь кракелюры ее поверхности пробивалась щетина. Веки нависали защитными складками во внешних уголках глаз. Колючие брови. Расширенные поры придавали носу такой вид, словно он был обсыпан песком. Куртка на плечах едва не трещала по швам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.